

Фридрих НЕЗНАНСКИЙ

Последнее
слово

Марш Турецкого

Фридрих Незнанский

Последнее слово

«Автор»

Незнанский Ф. Е.

Последнее слово / Ф. Е. Незнанский — «Автор», — (Марш Турецкого)

В Москве, на Киевском вокзале, происходит взрыв, уничтоживший часть стены. Пока сыщики разбираются в причинах, на сайте террористов в Интернете появляется сообщение, что этот взрыв — лишь первый шаг на пути к большому террору. Угроза представляется вполне реальной, и немедленно формируется оперативно-следственная бригада под руководством Александра Турецкого, которой поручено, как это бывало нередко, «найти и обезвредить». Много человеческих судеб прошло перед глазами следователя, пока ему и его верным товарищам и коллегам не удалось ухватить ниточку следа и, потянув за нее, размотать историю, которая началась более полувека назад, в тяжелом сорок первом году.

© Незнанский Ф. Е.

© Автор

Содержание

Пролог	5
Глава первая	10
Глава вторая	31
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Пролог

Предупредительная акция

Многолетняя эпопея с реконструкцией Киевского вокзала в Москве фактически завершилась. Новым блеском сияла нержавеющая сталь летучих конструкций стеклянного дебаркадера, как говорили в старину, словно возвращая москвичей и гостей столицы в начало еще прошлого века, когда это гигантское, впечатляющее сооружение, созданное талантом замечательного русского инженера Владимира Шухова, восхищало приезжий люд своей простотой и величием. Как-то просторно и светло стало на обновленных перронах и в гулких помещениях вокзала. Там, где стены не подверглись прямой реконструкции, обошлось добротным косметическим ремонтом. Добавились сюда и чисто технические достижения последнего времени, большинство из которых сводились к обеспечению безопасности пассажиров, а также были продиктованы необходимостью решительной борьбы с вечным российским бичом – безбилетниками, которым теперь противопоставили многочисленные турникеты.

Но часть помещений, особенно связанных напрямую с метрополитеном, остались без изменений, не тронутыми строителями. Либо почти нетронутыми, ибо косметика – она и есть косметика. И эта самая косметическая сторона большого строительного дела «вылезала» на глаза десятков тысяч ежедневно проходящих в спешке мимо пассажиров, уже «присмотревшихся» к затяжной реконструкции, как к неизбежному даже и не злу, а просто к привычной уже житейской помехе. К грохоту, например, отбойных молотков в самых неожиданных местах, к перепачканным краской деревянным «козлам» с малярами наверху, мимо которых надо проходить в любом случае осторожно, к наглухо закрытым дверям, отчего немедленно образовывалась толпа, либо к неожиданным трафаретам «Прохода нет» в тех местах, где сам же только что прошел.

Может быть, поэтому никто и не обращал внимания на часть помещения между кассовым залом и выходом к перронам, где вдоль глухой стены с аркой была протянута на специальных держателях пестрая целлофановая лента, призывающая прохожих к осторожности. Несколько щитов, установленных углами, отгораживали также и опорную часть арки.

На небольшую группу рабочих, трудившихся за этими щитами, никто не обращал внимания. Там, где идет всеобщая грандиозная реконструкция, разве до мелочей? Нет, естественно, кто-то из вокзального начальства поинтересовался, чем занимается здесь эта бригада. Ответ был исчерпывающим: проверкой старых электросетей. За долгие годы здесь кто только не побывал, не постарался: строили, пристраивали, перестраивали – вон одних старых планов и чертежей сколько! – ну а теперь, в связи с большой реконструкцией, так сказать... понятно? Документы и наряды на производство соответствующих работ были в порядке, и сюда, за щиты, даже транспортная милиция больше не заглядывала. Никого не смущал и вопрос, зачем нужно было долбить отбойным молотком вполне нормальную стену. Хозяйство вокзальное, по сути, бесконечное, за всем сразу не уследишь. Вот разве что пожилая уборщица Клавдия Ивановна недовольно бурчала да морщила нос, вытирая мокрой шваброй с намотанной на нее тряпкой известковую и бетонную пыль на полу. Со специальной уборочной машиной, которая решала «половую проблему» в залах ожидания, тут, в тесноте, где вечно сует народ, невозможно было развернуться. Потому и приходилось таскаться по старинке – с ведром да тряпкой...

Всю эту картину мысленно представил себе государственный советник юстиции третьего класса России Александр Борисович Турецкий, которого судьба, в лице его прямого начальника, генерального прокурора России, направила сюда, на Киевский вокзал, к развороченной взрывом части капитальной стены внутреннего помещения.

Что здесь произошло, отчего случился взрыв, от которого, к счастью, почти никто не пострадал, не знал решительно никто.

Почти никто не пострадал – это, в общем, условно сказано. Двоим пассажирам, проходившим мимо огороженного строительными щитами участка стены, все-таки крепко досталось. Одного куском бетона стукнуло по голове, и теперь этот «неосторожный» гражданин находился в клинике Склифосовского, где его уже перевели из реанимации в обычную палату. Второму досталось по спине, но, поскольку удар был скользящим, тот больше отделался легким испугом и свободно мог давать показания.

Была и третья, также пострадавшая условно, женщина средних лет, приезжая из Подмосковья, из Апрелевки, которая привезла сюда, для продажи на рынке возле вокзала, свою огородную зелень и несла ее на плече, в большой корзине. Именно эту корзину и отшвырнуло взрывной волной в сторону, сбив заодно с ног и ее хозяйку. Но женщина, к счастью, тоже отделалась испугом, синяками и полностью испорченной продукцией, с таким трудом возвращенной на грядках личного приусадебного хозяйства. Соответственно пострадавшей были высказаны особые претензии ко всем тем облеченным властью лицам, которые могли нести ответственность за допущенное безобразие, едва не закончившееся смертоубийством. Но все претензиями так и закончилось, ибо милиция предоставила пострадавшей самой заботиться о своей петрушке с укропом.

Вот, собственно, и все жертвы, если не иметь в виду репутацию вышеуказанных руководителей лиц.

Делом о взрыве, прогремевшем на вокзале, опять-таки к счастью, не в самый пик утреннего прихода пригородных электричек и поездов дальнего следования, а час спустя, то есть уже ближе к одиннадцати, когда основная масса людского потока спадает, немедленно занялась – по территориальной принадлежности – Дорогомиловская межрайонная прокуратура. Но раньше на месте происшествия помимо представителей вокзальной, транспортной милиции оказались и сотрудники ОВД «Дорогомилово». Они и снимали первые, впрочем, и единственные показания у пострадавших.

Взрывотехническая экспертиза показала, что, судя по остаткам взрывного устройства, найденным на месте преступления, в стене, точнее, под крышкой электрического щита, куда выходили концы проводов, назначение которых следствию еще предстояло выяснить, был заложен заряд относительно небольшой величины, составляющий, по заключению той же экспертизы, порядка ста граммов в тротиловом эквиваленте. Будучи приведенным в действие, это явно самодельное взрывное устройство разнесло вдребезги коробку электрощита, разбросав обломки металлических его деталей, которые просто чудом никого не задели, в радиусе до пятнадцати метров, а также обрывки проводов, куски бетона и штукатурки. Вот эти последние и доставили хлопот троим пострадавшим.

Откуда и каким образом взрывное устройство оказалось в электрощитовой коробке, сказать никто не мог. Впрочем, уборщица Клавдия Ивановна первой «вспомнила» о той бригаде, что трудилась здесь в поте лица в начале прошлой недели. Это они мусорили тут, долбили стену, а после так и ушли, небрежно замазав дыру и даже бессовестно ничего не убрав за собой. Здесь и щиты деревянные еще целый день после них простояли – словно никому не нужные, а только мешавшие уборке. Пока дежурный не распорядился и не прислал двоих подсобных рабочих.

Этой непонятной бригадой, «долбившей стену», и занялись местные сыщики и оперативники. Но оказалось, что о них, о «тружениках отбойного молотка», фактически никто ничего не знал. Ссылаясь друг на друга, начальники разных уровней утверждали, что кто-то из них видел, интересовался соответствующей документацией, с которой все якобы было в порядке. Но только теперь, после совершенно непонятного взрыва, который оперативники между собой

окрестили неудавшимся терактом, выяснилось, что никто в буквальном смысле толком ничего про ту странную бригаду не слышал.

Пробежали по всей цепочке руководства – от начальника вокзала и военного коменданта до постового Шубина и уборщицы Клавдии Ивановны – все оказались отчасти в курсе, но в главном – полностью не в курсе. Ну видели, да, обращали внимание, но каждый при этом ссылался на соседа.

Проверили электроцех, на который ссылались чаще всего, но выяснилось, что там никто ни о какой бригаде даже не слышал.

Муссировавшаяся мысль о террористическом акте, ввиду уже становившейся очевидной бесперспективности дальнейшего расследования события, как-то сама отпадала и все чаще заменялась версией о злостном хулиганстве. Возникали предположения, что эта акция могла явиться следствием каких-то очередных разборок между, скажем, матвеевской братвой и остатками солнцевской организованной преступной группировки. Либо между теми же солнцевскими и азербайджанцами с Киевского привокзального рынка. А что? Вполне может быть! Но тогда почему странный взрыв прогремел не на базаре, а именно на вокзале и ничего, по сути, кроме шума, ну и нескольких ушибов, никому не принес, об этом надо думать. Думать и сопоставлять. Искать новые версии случившегося события. Поднимать на ноги успокоившуюся было агентуру.

И тут, когда волна начала сама по себе спадать, в Интернете, на сайте известной организации «Аль-Каида», появилось сообщение о взрыве в Москве, на Киевском вокзале. И из этого весьма недвусмысленного сообщения явствовало, что международный терроризм в лице Аймана аль-Завахири, в сущности, второго человека в этой преступной организации, в очередной раз грозит новыми страшными карами антитеррористической коалиции, в которую помимо Соединенных Штатов входит теперь и Россия, а пробный теракт на Киевском вокзале всего лишь первое предупреждение об этом. В дальнейшем же мировое сообщество, и в первую очередь Россию, ожидают события, от которых люди воистину содрогнутся.

Сказать, что данное сообщение в Интернете было подобно взрыву мегатонной бомбы, – это значит мало что сказать. Немедленно возникли тысячи вопросов без ответов. И как всегда в подобных ситуациях, быстро нашелся «крайний», на шею которого все эти проблемы и повесили. Им был назначен первый помощник генерального прокурора Александр Борисович Турецкий. Ему уже приходилось распутывать крайне запутанные узлы, так что и новое задание пришлось, как теперь говорят, уже по определению, прямо в точку.

Заместитель генерального прокурора по следствию Константин Дмитриевич Меркулов, передавая Турецкому указание генерального, велел срочно ознакомиться с материалами предварительного расследования, проведенного межрайонной прокуратурой и ОВД, а затем сформировать собственную оперативно-следственную бригаду с привлечением любых необходимых сил из МВД, ФСБ, МЧС, окружной прокуратуры и милиции. То есть ему фактически предоставлялся карт-бланш, но при том неременном условии, что он отведет от страны страшную угрозу.

Давать какие-то обещания в этой связи, которые ожидало от него руководство, Турецкий не собирался. Александр Борисович обошелся максимально лаконичной формой ответа, который и мог быть передан Константином Дмитриевичем господину генеральному прокурору и иже с ним.

– Будем работать.

После чего отправился на Киевский вокзал, где, сильно «взбодренные» накачкой из Генеральной прокуратуры, снова забегали «дорогомиловские» следователи и оперативники. А Меркулов, давно и хорошо зная характер друга, удовлетворенно кивнул и отметил для себя тот факт, что у Сани на этот раз, кажется, обошлось без нытья и капризов, замешенных на сотнях безответных «почему». Например, «почему именно я?», «почему не Иван Петрович либо Петр

Иванович?», «почему вы считаете, что у меня работы меньше, чем у других?» и так далее. Принял к сведению, не стал спорить и выдвигать массу необязательных, но принципиальных, по его мнению, встречных требований – и на том спасибо.

И потом, самому Константину Дмитриевичу, как весьма опытному в прошлом следователю с огромным стажем, показалось, будто угроза в Интернете все-таки не имеет под собой реальной почвы, что она напоминает многие сотни иных, похожих угроз неверным, постоянно распространяемых в международной «паутине». Исламские террористы из той же «Аль-Каиды», ваххабиты, боевики Басаева, имеющие свои сайты в Интернете, нередко берут на себя – для придания своим преступным деяниям дополнительного политического веса – чужие теракты, часто даже и неудавшиеся. Кто проверять-то станет? Однако же сам факт странного взрыва на Киевском вокзале, где, как известно, постоянно полно милиции и прочей охраны, таит в себе опасность и так называемого пробного шара. Тогда это очень серьезно. Или же, наконец, это кто-то напортачил в очередной раз в спецслужбах, устроив проверку бдительности граждан, как это уже было однажды с мешками сахара, завезенными под видом гексогена в один из подвалов многоэтажного дома в Рязани. Но в любом случае была необходима тщательная проверка любых версий, а не поверхностное квазирасследование для «галочки».

Этимися мыслями Константин Дмитриевич и поделился с Саней Турецким, зная, что тот если уж возьмется, то, как говорили в старину про копателей колодцев, до воды доберется обязательно. Александр Борисович, иронично прищурившись, поблагодарил за высокое доверие, чем, как было уже сказано, и ограничился. Хотя, к примеру, проверять те же спецслужбы ему хотелось бы меньше всего. Ограничился тем, что сказал: раз его объединенной следственно-оперативной группе приданы представители спецслужб, вот пусть они сами себя и проверяют. Они любят этим заниматься, есть же у них службы собственной безопасности.

Но уже после первого дня пребывания на вокзале, где он успел бегло ознакомиться со всеми без исключения собранными материалами, включая результаты экспертиз, у него возникло странное ощущение, сродни тому, что высказал утром Костя Меркулов. Что-то здесь было явно «не так» и «не то». И казавшаяся «липовой» угроза в Интернете все же таила в себе некую опасность. В чем она заключалась, было пока непонятно, но она присутствовала – может быть, в той откровенной наглости, с которой был произведен взрыв, лишь по счастливой случайности не оборвавший ничьей жизни. Но тем не менее он же был! Именно взрыв, что подтверждала и экспертиза. Пусть и малой мощности. Однако на что-то же он был рассчитан? И вот на все эти вопросы теперь требовалось найти ответы, причем практически немедленные. Значит, за неимением твердых фактов, следует для начала по новой опросить всех без исключения сотрудников вокзала, а также и представителей всех фирм, производивших здесь строительные работы. Да, это тысячи людей, но что поделаешь?

Александр Борисович на минутку представил, какую громадную ношу он собирается взвалить на свои плечи, и почувствовал себя неудобно. Даже холодок какой-то странный прошел по спине. Но как гласит известная поговорка, глаза боятся, а руки делают. Что ему оставалось? Засучивать рукава, даже не представляя себе отчетливо, куда может завести его это расследование.

Но его в какой-то степени, если можно так выразиться, утешало или слегка успокаивало пока то соображение, что если у террористов (конечно, в том случае, если это были именно они) произошел непонятный срыв, что их постигла неудача (опять же рассматривая худший вариант), то новую попытку они сделают нескоро. Им необходимо будет определиться сперва с причинами своей первой ошибки, а уже потом действовать дальше. Ведь наверняка не такую цель они ставили перед собой – кого-то просто припугнуть.

В Интернете сказано, что было сделано «предупреждение». За которым следовали обычные уже требования – вывести американские войска из Ирака, начать мирные переговоры со свободной и независимой Чечней и прочее, давно навязшее в зубах. И все это знают, включая

и самих террористов. Получается, не в этом была соль их требований. Тогда в чем же, если иные требования не высказывались?

Отсюда, по идее, напрашивается вывод, что взрыв на Киевском вокзале все-таки, возможно даже и отчасти, притянут за уши. Вопрос – кем? Ответив на него, можно будет назвать потом и преступников.

А версию о бандитской разборке Турецкий отверг для себя сразу. Нет, пусть, конечно, местные оперативные кадры поработают со своей агентурой, может, чего и нароют, но реальной пользы для достижения своих конкретных целей Александр Борисович пока здесь не видел. Сейчас на первое место выходила обыкновенная рутинная работа – опросы, допросы, сличения показаний и так далее. Именно нудная, бесконечная рутина, которая только очень неопытному человеку кажется никчемной и напрасной. Оно конечно, демонстрация бурной деятельности всегда больше нравится начальству, что, кстати говоря, и любят ему показывать хитрые подчиненные. Но этим методом откровенной «показухи» Александр Борисович принципиально пользовался лишь в исключительных случаях, с одной-единственной целью: чтобы те же начальники не мешали работать, успокоились...

И еще одно обстоятельство убедило Турецкого, когда он знакомился с показаниями конкретных производителей строительных работ, в несокрушимости основных, извечных российских принципов. В конечном счете, как уже было видно даже невооруженным глазом, сама по себе реконструкция проделана здесь прекрасно, выше всяких похвал. Тут тебе и восстановленный в его роскошном, первоначальном виде стеклянно-стальной дебаркадер, и реставрация расписных плафонов в залах, и комплекс вновь созданных помещений для авиапассажиров, для которых было открыто теперь прямое и комфортное железнодорожное сообщение с Внуковским аэропортом, но... Не уходило при этом ощущение какого-то изначального бардака во всем, что было связано с долгой реконструкцией, со всеми этими неучтенными бригадами, до которых никому, похоже, не было дела.

Турецкому и в голову не могло прийти, куда способна была затянуть и его самого, и все расследование необходимость отыскать концы в этом, мало сказать, странном деле, которое и началось-то бог весть когда, более трех лет назад...

Глава первая

Первая жертва

1

Его взяли ранним майским утром 2001 года на даче в Перловке – это по Ярославскому шоссе, с левой его стороны, около пяти километров от МКАД, фактически на окраине Москвы.

Здесь у подполковника ФСБ Николая Анисимовича Савина была дача. Точнее говоря, дача была не его собственная, а принадлежала родителям его жены Екатерины Юрьевны. Небольшое, старое уже строение, окруженное яблоневым садом и густо разросшимися кустами смородины, за которыми некому было следить и ухаживать, представляло собой именно дачу, и жить здесь можно было только в летнюю пору, хотя в доме имелась печка, а к ней, возле сарая, изрядная поленница наколотых еще покойным тестем дров. Но зимой здесь, несмотря на близость города, не жил никто, дача стояла запертая. Зато летом Николай Анисимович с удовольствием вытаскивал на улицу старинное кресло-качалку, в котором привык подремывать в тени старой яблони с раскидистыми ветвями, давно уже не приносящими плодов. Типично городской, так сказать, подход к делу.

Вот ведь странное дело – вроде совсем и не стар, недавно только сорок восемь исполнилось, и на службе, за малым исключением, наблюдался относительный порядок. Но насколько он был относительным, об этом Савин старался думать поменьше.

За годы своей немалой уже службы в органах безопасности Николай Анисимович перебывал в разных должностях – был и на оперативной работе, и в спецархиве одно время сидел, и в аналитическом отделе, где планировались отдельные операции под различными кодовыми названиями, но с неременным дополнением – «совершенно секретно». Что ж, такова специфика работы. И на нее никогда не жаловался, даже перед самим собой, подполковник Савин. Но причины для подобных жалоб у него, к сожалению, были, и довольно серьезные. Особенно в последнее время, когда в кресло начальника управления сел генерал Самощенко Андрей Тимофеевич.

Оно, может, и понятно – на подходе к полувековому юбилею оставаться все еще в подполковниках, как говорится в старом еврейском анекдоте, – это «не фасон для невесты». Но что поделаешь, если у генерала Самощенко есть свои надежные друзья? Ну бывает, не вписался в компанию, но, с другой стороны, и служба – дело ведь совсем не компанейское. И тем не менее...

И снова старый анекдот на близкую тему. Из недавних, казалось бы, времен.

Генерал спрашивает своего сына, кем бы тот хотел стать. Сынок, ничтоже сумняшеся, отвечает: «Маршалом, папа». На что отцу остается только искренне изумиться: «Как, сынок, разве ты не знаешь, что у маршала есть свой сын?»

Да, в том, что в его наглухо забаррикадировавшемся от возможных перемен ведомстве, несмотря ни на какие грозы и бури, мировые и отечественные катаклизмы, мало что тем не менее меняется, Савин убеждался не раз.

Нет, он никогда не был достаточно смелым человеком, чтобы наплевать на высокие чины начальства и их давнишние связи и обличать несправедливые распоряжения и поступки. Для этого были тоже свои, достаточно старые уже, причины. Обличать-то он, конечно, может, и хорошо, и выглядит вроде бы достойно со стороны, но нельзя и забывать о том, что, будучи деталью «системы», ты, подобно остальным ее деталям, выполняешь общую задачу, возложенную на эту «систему». И ничего с этим не поделаешь. Некоторые пробовали, особенно в те годы, когда

было, по существу, позволено все: берите, мол, сколько хотите, продавайте и покупайте что хотите, главное – помогайте разрушить «систему». И рушили, и сбегали потом в Америку, в Англию – в ореоле славы «истинных демократов» и с полными карманами баксов. И уже не боялись возмездия со стороны апологетов проданной ими «системы», ибо она сама дышала на ладан, а охотников поживиться хотя бы на обмывании трупов не уменьшалось.

Впрочем, Савин не мог бы с чистой совестью признаться себе, что все ушедшие «за кордон» были бесчестными предателями и шакалами, устроившими возню у могилы погибшей империи. Были, по его мнению, и честные люди, с которыми он в свое время был знаком, а с некоторыми даже дружил.

Может быть, слово «дружба» здесь не совсем уместно – ну какая там дружба между людьми, задействованными в секретных операциях, которые в глазах обывателя вполне могут быть признаны теми же преступлениями.

Да хоть та же пресловутая «Белая стрела»... Ну функционировала такая служба – не в названии, в конце концов, дело. Было подразделение, в задачи которого входило также и физическое устранение предателей «системы», ярых противников существовавшего тогда режима. А как же иначе? Ты предал Родину, товарищей, свое дело, сбежал и теперь считаешь возможным для себя нести свои «откровения» на весь мир? А клятва как же? А священный долг? Да что об этом говорить... Многие уходили молча и там, за кордоном, предпочитали молчать – разве кто-то покушался на них?

Вот и Витька Латыщенко, дослужившийся до полковника и много, естественно, знавший о тайных операциях службы безопасности, решил нагреть руки на своих старых секретах. Ну, казалось бы, ладно, что сам знаешь, за то и отвечай. Но зачем же было друзей сюда припутывать? Часто ведь беседовали они друг с другом, вот здесь же, в саду, возле накрытого стола под яблоней. Так зачем же было подводить своего друга и выдавать сверхсекретную информацию, раскрытую им, Савиным, за свою собственную? Разве в Службе сидят полные дураки и не могут легко сопоставить, какой информацией владел перебежчик Латыщенко, а какую он получил от кого-то другого? Чай, сами «аналитики», и потому вычислить, кто знал о том или этом, труда не составило. И самое неприятное здесь заключалось как раз в том, что Николай Анисимович, знакомясь по службе с «откровениями» бывшего своего друга, легко узнавал собственные мысли и особенно факты, о которых Витька, сукин сын, никак не мог знать даже в силу своего служебного положения. И это был очень серьезный прокол.

Подполковник Савин прекрасно понимал, что после «откровений» перевертыша Латыщенко теперь к нему явятся коллеги, чтобы задать ряд вопросов, ответы на которые с ходу сочинить будет очень трудно. Больше того, зная, где и с кем Савин работал прежде, с кем контактировал, они возьмут в оборот документы тех лет, и вот уже новые их вопросы могут стать не просто неприятными, но и весьма опасными. Ну в том, что они перероют, в прямом смысле, весь дом, включая и московскую квартиру, он не сомневался. И поэтому некоторое количество особо ценных документов, которые кое для кого могли бы представить эффект разрыва бомбы, изъят из своего личного архива и запрятал так далеко, чтоб их не сумел бы никакой мент с собакой отыскать. Это отчасти утешало. А другие материалы, ввиду некоторой отдаленности времени, да и несущественной теперь важности событий, к которым они относились, он спокойно оставил в личном сейфе – нельзя ж так, чтоб уж совсем ничего не нашли: кто поверит!

Впрочем, он не сомневался, что в конечном счете ему удастся «отбояриться» от любых обвинений – ну отстранят, на пенсию выкинут – от такого никто не застрахован. А с тем прошлым, что имел за своей спиной Николай Анисимович, голодная смерть ему никак не грозила – любой частный сыск либо охранный контора такой «кадр» немедленно подхватит, не упустит случая.

Так что, можно сказать, особых страхов у него не было, просто могла разрушиться в одночасье привычная житейская колея, а потом надо опять думать об устройстве собственной судьбы. Ничего страшного, хотя и неприятно.

Но то, что он увидел, когда за ним приехали, – а бывшие коллеги едва ли не спецназ вызвали, вероятно полагая, что Савин может оказать ожесточенное сопротивление, – вот это вмиг повергло его в уныние. Плохо, оказывается, он знал своих коллег, слишком хорошо в принципе о них думал. Короче говоря, ошеломление было полнейшим...

Прибыла в Перловку оперативная группа Главного управления собственной безопасности. Они уже знали, что сегодня, в воскресенье, он будет именно здесь, значит, уже следили за ним.

Савин на какое-то мгновение даже порадовался, что находится на даче один – жена оставалась в Москве по каким-то своим надобностям. Значит, она не увидит его позора – что ни говори, как ни объясняй, а когда по твоим комнатам расхаживают бесцеремонные, грубые мордовороты в специальном штурмовом одеянии, особого удовольствия не испытываешь. И каково было бы ей наблюдать эту картину? Катя – женщина эмоциональная, могла бы и лишнего наговорить, возмущаясь, за что потом пришлось бы расплачиваться супругу, обвиненному – это ж представить только! – в разглашении строжайшей государственной тайны! Так безапелляционным тоном с ходу заявил старший прибывшей группы. Они и прибыли с обыском, чтобы найти подтверждающие это обвинение вещественные доказательства.

Прибывшие позвали двоих соседей, с которыми Савин был не очень-то и знаком, и назначили их понятыми при обыске, который затем провели на даче. Перерыли, перетрясли все, что только могли, причем делали это с нарочитой грубостью, как жандармы в плохих фильмах про героев-революционеров. Залезли в погреб, где в поисках спрятанного потайного сейфа истыкали стальным прутом все стенки, разбив при этом несколько банок с соленьями. Может, подумалось, они получили такое специальное задание – громить, чтобы вызвать возмущенную реакцию хозяина? Решив так, Савин перестал обращать внимание на их потуги и не отвечал даже на задаваемые вопросы, что их, естественно, злило.

Только в самом начале состоялся короткий, но более-менее внятный диалог со старшим группы. На вопрос Савина, что им здесь надо, тот ответил:

– Выдайте те секретные документы, которые вам удалось скопировать во время работы в архиве и которые затем вы передали для дальнейшей публикации предателям нашей Родины.

– Нет у меня и никогда не было никаких документов, – ответил Савин.

– Тогда мы будем искать, и вам вряд ли понравятся наши действия, – предупредил, ухмыляясь, старший.

– Валяйте, к сожалению, это ваше право, – равнодушно ответил Савин, хотя внутри у него все кипело. И он прекрасно знал к тому же, что здесь, на даче, они все равно ничего у него не найдут.

Но они были упрямы и рассержены.

Закончилось тем, что они «обнаружили» в пристройке, где у Савина хранились различные инструменты, целую россыпь патронов от пистолета Макарова. Ничего этого быть там не могло, Савин вообще не имел никаких запасных патронов, он и свою-то обойму не использовал ни разу, да и пистолет старался всегда оставлять на службе. Так что патроны – это была самая обыкновенная подстава. О чем он и сказал «сыщикам».

Старший не отреагировал, только приказал своему коллеге, чтобы находка была внесена в протокол обыска и обязательно удостоверена подписями понятых. Им, понял Савин, нужен был повод, чтобы арестовать его.

Так ничего и не добившись, не найдя никакого иного компромата, кроме названных патронов в количестве восемнадцати штук, они закончили потрошить книжные полки, оставив в доме полный бардак, а его самого увезли в Лефортово и посадили в камеру. Устное обвине-

ние он уже слышал – государственная измена плюс незаконное хранение боеприпасов. Это еще одна статья Уголовного кодекса, но наказание по ней не перевешивало тяжести обвинения за государственную измену. Так что Савин и не принял ее во внимание – это был просто повод упечь его на нары. А дальше – начнутся допросы, следствие и, наконец, будет предъявлено официальное обвинение.

В тот же вечер сотрудники ФСБ явились и на городскую квартиру, где находилась Екатерина Юрьевна Савина, чтобы и там учинить тщательный обыск. И производился обыск в отсутствие хозяина, которому вменялось преступление, что само по себе было уже нарушением закона. Но, видимо, такие шаги они посчитали для себя незначительной мелочью.

В квартире тоже перевернули все с ног на голову – к неподдельному ужасу хозяйки. Особенно старался майор госбезопасности Безменный – тот самый, что командовал группой и утром. Видя состояние женщины, едва не умирающей от страха, он давил на нее морально, называя ее мужа отщепенцем, предателем, ничтожеством, торгующим государственными секретами, на иудины деньги от которых и приобретена вся данная обстановка в доме.

И здесь были взяты в качестве понятых соседи, но они по-доброму относились всегда к Екатерине Юрьевне и выражали свое возмущение грубостью чекиста.

Не было, казалось, большей радости, когда, вскрыв маленький домашний сейф подполковника, они обнаружили наконец цель своего поиска. Документы! Так показалось поначалу. Но когда начали разбираться, настроение у них заметно упало. Ну хорошо, вот запись прослушивания телефонных разговоров членов матвеевской организованной преступной группировки. Но, во-первых, когда это было? Во-вторых, материал не представлял никакой секретности, разве что в тот краткий момент, когда готовился захват «преступной головки». Эти материалы уже и в суде над ними фигурировали. Или вот другие... Нет, никак не тянули документы на серьезную гостайну. Но даже и не в этом теперь дело. Уже можно говорить, что подполковник Савин все-таки копировал секретные, пусть на тот момент, документы и хранил их у себя дома, что является серьезнейшим преступлением. Ну а раз есть событие преступления, значит, за ним должно последовать и наказание. К тому же еще эти злополучные патроны...

Но сам-то Николай Анисимович прекрасно понимал, что все эти «находки» ни малейшей роли в его деле не играют, ибо они только удобный повод разделаться с ним за здоровую и острую критику, в чем себе подполковник, знавший службу получше новоявленного генерала Самошенко и его таких «многоопытных» друзей тоже с генеральскими погонами – Бориса Якимова и Тараса Хохлова, никогда себе не отказывал. Особенно в тех случаях, когда вопросы касались разработки и анализов тайных операций в районах боевых действий. У подполковника Савина уже имелся даже отчасти и личный опыт, а у Самошенко, пришедшего к своей должности с помощью известных упражнений языка, не было не только необходимого хотя бы минимума опыта, но и умения вдумываться в то, что ему говорят знающие дело подчиненные. Тот же «языковой способ», вероятно, и спасал генерала, когда якобы благополучные аналитические материалы, выдержанные в его стиле, демонстрировали на разборах у руководства Службы поразительное иной раз незнание проблемы. К злорадному удовольствию «генеральских» подчиненных. Ну разве такое фрондерство (и, главное, где – в ФСБ!) прощается? Вот и доигрался. Да и Витка Латыщенко крепко насолил своими «откровениями» на радиостанции «Свобода», называя некоторые фамилии тех, кто меньше всего хотел бы светиться даже сейчас, и повествуя о некоторых тайных операциях, казалось бы, уже ушедшего в небытие Комитета государственной безопасности, но оставившего после себя опасное для «свободного мира» наследство. Куда уж с подобными оценками-то...

Уходя, господа чекисты оставили женщину в полнейшей растерянности и отчаянии. Однако Екатерина Юрьевна в эти трагические для нее минуты сумела проявить свои лучшие качества верной супруги военного человека.

2

Давний товарищ и отчасти коллега Николая Анисимовича, Игорь Васильевич Самойлов, полковник ФСБ, с которым они когда-то вместе начинали свою профессиональную службу, в настоящее время сотрудничал, как принято говорить, с Министерством иностранных дел.

В последние годы он занимал различные должности в посольствах ряда восточных стран, владел их языками и вообще внешне выглядел так, будто явился на прием к какому-нибудь очередному шейху. Высокий, стройный, со здоровым цветом лица и жестким ежиком коротко стриженных светлых волос, он напоминал такого нестареющего, несмотря на почти пятьдесят прожитых лет, нормандского воина. И еще, он едва ли не с первых дней знакомства нравился Кате, которая этого и не скрывала, иной раз даже нарочно вызывая шутиливую ревность у Николая.

Игорь был женат и разошелся по причине отсутствия детей, но, главным образом, как он говорил, несходства характеров, что в дипломатической жизни становилось чаще помехой, а не помощью в делах и знакомствах мужа. Иначе говоря, в настоящий момент Игорь был свободен от брачных уз. И находился в Москве. Катерина знала об этом, недавно муж с ним о чем-то долго беседовал по телефону.

Вот к нему, узнав о том, что Николай арестован по чудовищному обвинению, о чем ей сообщили люди, производившие в квартире обыск, и обратилась она в первую очередь. Игорь в тот день дежурил на службе и смог появиться у Екатерины Юрьевны лишь на следующий день, точнее, в конце рабочего дня, под вечер.

А потом он, как мог, утешал плачущую женщину, но веских аргументов в пользу Николая привести не мог, хотя сам и считал его честным и порядочным человеком. Для обвинений, что были, по словам Кати, выдвинуты ее мужу, нужны весьма серьезные доказательства. Да и в Лефортово, которое до перехода в ведение Минюста являлось собственной тюрьмой ФСБ, просто так, по чьему-либо капризу или чисто случайно, не сажают. А в общем, черт знает что тут делается. Да и что он мог бы посоветовать? Так и не утешив, но пообещав не оставлять этого дела без своего внимания, Игорь уехал, уговорив Катю крепиться – мало ли какие неожиданные повороты случаются в их мужской жизни, где иногда приходится ходить по лезвию ножа!

Он не забыл про свои обещания. Не особо проявляя настырного и могущего насторожить кого-то любопытства, Игорь переговорил с одним, другим своими бывшими коллегами и выяснил, что история с арестом подполковника Савина уже известна на Лубянке. Да, против него выдвинуты очень серьезные обвинения, и его делом в настоящее время занимается один из опытейших следователей Следственного управления Главной военной прокуратуры полковник Петр Головкин. И это, пожалуй, все, что знали на сегодняшний день. Правда, добавил один из старых приятелей, вся эта история очень напоминает – если хорошо знать резкий и далеко не всегда уживчивый характер Николая Анисимовича – все-таки некую расправу над ним. Слишком много он крови попортил своему начальству, вот, мол, и прицепились к удобному случаю, не исключено, что и сфабриковали какие-либо доказательства, а ты поди разберись.

Факт неизвестной пока еще фабрикацией некоего компромата отчасти менял ситуацию, в смысле укрепления уверенности Игоря Самойлова в том, что дело с Николаем нечисто. Он сразу подумал, что в данном случае был бы весьма полезен толковый, опытный адвокат. Но чтобы найти такого, надо знать, где искать. Из кого выбирать.

И вот, пока он занимался поисками, встречался, созванивался со своими прежними знакомыми, советовался, позвонила Катерина и сообщила, что у нее была встреча со следователем, который ведет дело Николая. Новость была для Самойлова чрезвычайно интересной.

Оказывается, Петр Константинович Головкин специально вызвал Екатерину Юрьевну в Главную военную прокуратуру для серьезной беседы о дальнейшей судьбе ее мужа. Вел он

себя очень вежливо и предупредительно, говорил мягким и негромким голосом. Будь другая ситуация, подумала Савина, он бы вполне мог очаровать ее своими манерами. А речь шла вот о чем.

Как всякому подозреваемому в преступлении, Николаю Анисимовичу полагается адвокат. Если, как говорится, семья не позаботится о защитнике, таковой должен быть назначен судом. Но в таком случае не исключено появление случайного человека, по-своему даже и знающего адвокатское ремесло, но не наделенного, так сказать, юридическим талантом, и тогда он окажет не помощь своему подзащитному, а наоборот, может невольно усугубить его вину. Поэтому сама Катерина Юрьевна должна хорошо подумать, прежде чем назвать имя адвоката для мужа. В свою очередь, он, следователь Головкин, не испытывающий к подозреваемому Савину ни малейшей личной неприязни, а лишь старающийся разобраться с грудой выдвинутых против Николая Анисимовича обвинений, готов в этом смысле оказать и свое содействие. Ему известен такой адвокат, который мог бы в данный момент оказаться полезным Савину. Это Ефим Иосифович Эдель, который прекрасно знает всю «адвокатскую кухню», чисто канцелярскую работу и четко выполняет возложенные на него законом функции. Если Катерина Юрьевна не имеет возражений, Головкин готов дать ей телефон Эделя, чтобы она могла с ним встретиться и обсудить вопрос конкретно.

И все это было сказано с такой ненавязчивой любезностью, что у Савиной и мысли не возникло, будто здесь намечается какая-то игра. Она записала телефон Ефима Иосифовича, пообещав созвониться сегодня же. А потом спросила, когда ей может быть предоставлена возможность встретиться с мужем. Головкин пообещал устроить встречу в самые ближайшие дни, он сам и позвонит предварительно. Сказал и о том, что конкретно, какие предметы личной гигиены и быта она может принести в следственный изолятор для передачи супругу.

Несчастливая женщина была покорена вежливостью следователя и подумала, что уж он-то наверняка не станет обвинять Николая в чудовищных преступлениях, которые тот никогда не мог совершить – уже просто по определению, ей ли не знать характера мужа!

И вот теперь она хотела, прежде чем созваниваться с адвокатом, узнать, как и о чем надо с ним говорить, о каких деньгах может пойти речь и вообще что ей делать дальше.

Игорь, внимательно выслушав, попросил ее не торопиться. У него у самого уже возникла одна идея, которую было бы совсем неплохо претворить в жизнь. Тем более что толковый адвокат будет стоить дорого, а откуда у Катерины большие деньги? С каких заработков мужа? Впрочем, если тот, как ему вроде бы инкриминируют, продавал государственные секреты, то, возможно, и получал за них соответствующие гонорары. Но их тогда забрали бы при обыске, а в доме никаких крупных сумм не нашли. Да и само такое предположение казалось совершенно невероятным, абсурдным. Короче, сказал он, подожди до утра. Он же собирался встретиться с одним знакомым когда-то человеком, который, как ему сказали, сейчас возглавляет Фонд поддержки гласности в спецорганах. Этот человек – отставной полковник госбезопасности Валерий Петрович Шляхов – в настоящее время был не дома, и супруга его попросила полковника Самойлова, даже не спрашивая, кто он, собственно, ее мужу и откуда, перезвонить в районе восьми часов вечера. Видимо, подобные этому звонки уже никого в семье Шляхова не удивляли – защита гласности не терпит тайн. А потому и отношение к самой гласности у них наверняка выработалось соответствующее.

В восемь вечера Самойлов созвонился со Шляховым, и тот предложил встретиться сегодня же у выхода из метро «Парк культуры», так ему было удобно, он жил недалеко, на улице Тимура Фрунзе. Игорю показалось, что Валерий Петрович даже отчасти обрадовался его звонку. Об истории с Савиным он слышал и, более того, в свое время «пересекался» с ним по службе и знал как честного человека, неспособного на такой модный одно время в чекистской среде грех, как предательство интересов Родины, совершенное как бы из высших соображений

борьбы с тоталитарным строем в СССР. И все это было сказано Шляховым с таким злым сарказмом, что Игорь «проникся» к этому человеку доверием.

Они встретились. Шляхов предложил прогуляться через Крымский мост – туда и обратно – и поговорить без посторонних глаз, если таковые могут оказаться, что вовсе не исключено. Осторожность – это хорошо, согласился Самойлов, и они пошли – высокий и молодежавый Игорь Васильевич и плотный, коренастый, но шустрый для его лет Валерий Петрович.

Для начала Шляхов рассказал Игорю, чем занимается их, по сути, своеобразная правозащитная организация в органах. И постепенно от перечисления некоторых уже благополучно завершённых дел и упоминаний своих товарищей, принимавших активное участие в работе фонда, он перешел к конкретному делу. И вот тут Самойлов увидел, что острая и откровенная «нелюбовь» Валерия Петровича к «лубянским генералам» – что к старым гэбистам, оккупавшимся там давно и не принимавшим на дух изменений времени, что к новым, привычно использующим удобную конъюнктуру и открывшиеся возможности уже для личных целей, – зиждется на собственном, вероятно, богатом опыте общения с начальством. Было ему что-то около семидесяти лет, и становилось ясно, что этот полковник не просиживал за годы службы штаны в кабинетах, а находился на «живой» оперативной работе. Ну правильно, отсюда и нелюбовь к «кабинетчикам». Да и потом, разве мог бы человек иного склада характера и чисто кабинетной профессии возглавить такую непростую организацию, как Фонд поддержки гласности в спецорганах? Это ж, несмотря ни на какие демократические веяния в стране, да и среди отдельных сотрудников тех же органов, ни на какие указания сверху о необходимости грамотной, профессиональной защиты гражданских прав, ни на какие кампании в средствах массовой информации, все равно приходилось иной раз ходить, словно по минному полю.

Поэтому и в деле Савина мудрый Шляхов постарался прежде всего обнажить для себя внутреннюю подоплеку самого ареста Николая Анисимовича и выяснить, при каких обстоятельствах происходило задержание подполковника. Это ведь постороннему трудно, а то и невозможно проникнуть в тайны следствия, а профессионалу-чекисту, да еще придерживающемуся принципов полной гласности в тех вопросах, где действительно не затрагивались тайны государства, вполне, как говорится, по плечу. Так что кое-что он уже знал и мог поделиться с коллегой.

В частности, один из информаторов Шляхова совершенно четко сформулировал мысль о том, что патроны от «макарова» были Савину подброшены специально, но, не желая подводить товарища, не назвал фамилию исполнителя, который вместе с другими производил обыск. Причем указание было получено такое: делать все максимально грубо и вызывающе, чтобы спровоцировать Савина на активный протест и сопротивление, которые потом можно было бы поставить ему же в вину. Однако не вышло, не поддался на провокацию подполковник, со смиренным выражением лица принял убийственную новость, как ни старался майор госбезопасности Безменный, руководивший операцией. А поручил эту операцию ему не кто иной, как генерал Борис Якимов, который, в свою очередь, является близким другом генерала Самощенко и руководит оперативным отделом Главного управления собственной безопасности. Вот теперь и смотри, откуда ноги-то растут! Потому и арест Савина Валерий Петрович расценил в первую очередь как откровенную месть за критику, на которую в адрес своего непосредственного начальства не скупился подполковник. Ну а про методы, которыми для этого воспользовались оперативники, и говорить нечего – известная, старая школа. Если нет прямых улик, их нетрудно придумать и подбросить, а лица, подтверждающие изъятие этих улик, всегда найдутся под руками. Как там ни крути, чем ни оправдывайся, но глубокий, затаенный, из прошлых еще времен, страх перед карающими органами никуда так окончательно и не исчез, и никакая демократия не смогла его рассеять в душе простого обывателя.

В этой связи возник вопрос: откуда у супруги арестованного Савина возникла эта фамилия – адвоката Эделя. В силу своей неугомонной, в сущности, деятельности Валерий Петрович был знаком с этим человеком. Что он мог бы сказать о нем?

Прежде всего, это профессионал – чего не отнимешь, того не отнимешь. Знающий адвокат, умело пользующийся психологическими приемами. Но... Он уже не молод, кажется, ему хорошо за шестьдесят. А такой возраст, сам по себе, как определяет для человека и вполне конкретную систему жизненных ценностей, так и диктует ему соответствующую форму поведения. О каком поведении речь? А дело в том, что он – не борец. Он действует строго в рамках законности, он никогда не позволит без абсолютно твердой, стопроцентной уверенности в собственной правоте задеть имя человека, занимающего ответственный пост в государстве, не говоря уже об органах госбезопасности. И еще, он не станет бескомпромиссно сражаться до последнего шанса за честь своего клиента, если прокурор будет настаивать на таких статьях обвинения, как предательство, измена Родине, торговля государственными тайнами. Он может ограничиться чисто формальным исполнением своей роли. Да он вообще охотнее пойдет на поводу у следствия, чем станет сам дотошно разбираться в причинах, которые привели Савина на скамью подсудимых... Нет, он и не трус, просто такой тип человека – не борец. Не пойдет на неосторожное обострение ради призрачной надежды на благополучный исход дела. Но гонорар при этом запросит солидный – уже в силу личного общественного положения и официальных юридических заслуг, отмеченных в свое время государством. Заслуженный юрист, автор нескольких специальных трудов, член коллегии и так далее и тому подобное.

– Так кого же мы можем пригласить? – не выдержал уже столь длительного объяснения Самойлов. – У вас-то хоть имеются, в силу вашей деятельности, подходящие люди? Я бы и сам не возражал, если бы нашелся человек, способный сразиться с нашей, извините, уже набившей оскомину «лубянской рутинной». Но только где ж такого найти? А время идет...

Шляхов улыбнулся:

– Это вы мягко еще выразились, Игорь Васильевич, насчет рутины. А дело будет, очевидно, рассматриваться в закрытом заседании военного суда Московского гарнизона. И адвокат обвиняемого должен выглядеть в такой ситуации как минимум барсом. Именно барсом, защищающим своих детенышей.

– Скажете – барсом... – пробормотал Игорь и ухмыльнулся. – В зоопарк, что ли, обращаться?

– Зачем уж так? – снова мягко улыбнулся Шляхов. – Если ваша знакомая, в судьбе мужа которой вы принимаете столь активное участие, еще не начала переговоры с Эделем, я бы, пожалуй, смог предложить иную кандидатуру. По-моему мнению, куда более подходящую. Даже по возрасту.

– И кто же это?

– Его зовут, этого адвоката, Юрием Петровичем Гордеевым. Однажды, это было два с небольшим года назад, когда мы только создавали наш фонд, мне предложили этого человека для защиты нашего товарища, тоже обвиненного шустрыми генералами бог знает в чем. Так что вы не беспокойтесь, и в деле вашего Савина лично для меня четко просматривается уже известный, скажем так, «лубянский» интерес. И Гордеев провел свою защиту с успехом, полностью нашего коллегу оправдать тогда не удалось, но срок был назначен условный. И я считаю этот факт большой победой. С тех пор мы изредка пользовались советами, а то и услугами Юрия Петровича. Кроме того, скажу между нами, он не дерет шкуру с клиента, назначает гонорары вполне приемлемые. Так что и здесь есть определенный плюс. Но к чему я? Если у вас и у... супруги вашего товарища нет возражений, мы могли бы облегчить вашу задачу. Во-первых, я могу сам переговорить с Гордеевым предварительно, обсудить условия и прочее, а во-вторых, что, вероятно, для вас будет в какой-то степени и важнее, оплатить адвокату гонорар.

рар из нашего общественного фонда. Ведь мы же фактически для этой цели и существуем. Как вы смотрите?

Игорь Васильевич «смотрел» в высшей степени положительно, ибо даже не представлял себе, откуда Катя взяла бы деньги на адвоката. Он уже готов был и сам оказать ей посильную помощь, хотя тоже никакими «состояниями» не обладал, но... что-то имел. Причем готов был помочь чисто по-человечески, по-товарищески, без всяких задних мыслей. Правда, в то же время и не пытался скрыть от самого себя, что, будучи готов делать это, то есть заниматься делами Савина, сугубо бескорыстно, он в глубине души рассчитывал все-таки на ответную благодарность. Но это уже особый вопрос, и ему не время и не место возникать там, где сейчас решается, по сути, судьба человека.

3

Нельзя сказать, чтобы Екатерина Юрьевна так уж вовсе и не замечала, полностью занятая горькими мыслями о своей злосчастной судьбе, с какой неподдельной искренностью и даже охотой занялся Игорь ее проблемами. Но она понимала и другое. Делал это Игорь, прежде всего, не столько из дружеских отношений к Николаю, сколько по причине старой, чего уж теперь скрывать, и безответной любви к ней.

Катя была в молодости очень хороша. Высокая, стройная девушка, рано оформившаяся, научившаяся излучать и строгую недоступность, и чисто женское влекущее к ней обаяние, она скоро стала предметом зависти товарищей Николая, которые открыто считали, что тому сильно повезло с такой женой. Это как по трамвайному билету выиграть автомобиль. Но шутки шутками, а общее к себе внимание, и не всегда бескорыстное, Катя чувствовала постоянно. Возможно, и по этой причине в их семье, в смысле в квартире, где они с Николаем проживали, с годами постоянно уменьшалось количество гостей. Их навязчивость порой граничила с заметной наглостью, а Николай считался человеком вспыльчивым, мог и в морду дать. Вот Катя и ограждала его и, собственно, крохотную свою семью от всевозможных житейских неприятностей. А сама между тем продолжала прямо на глазах хорошеть и словно наполняться той взрослой уже силой, которая делает женщину не просто привлекательной, очаровательной, но и постоянно желанной.

Пытались ухаживать за ней и в школе, где она преподавала биологию в старших классах, пробовали приставать на улицах, но она, как уже сказано, рано оценив свои реальные возможности, не шла ни на какие компромиссы с судьбой. Жизнь с Николаем, который ее искренно любил, Катю устраивала. Вот только детей не было, а очень хотелось. Одно время даже возникла идея взять ребенка в детском доме, но подумали, посоветовались и поняли, что уже по установившейся привычке главное место у них в жизни составляет все-таки работа, а немногие оставшиеся часы они сами безрассудно и бесшабашно отдавали самим себе – разговаривали, спорили, читали книги. Вели интеллектуальный образ жизни.

Она была моложе мужа на целых тринадцать лет, но разницы в возрасте как-то не ощущала и уже привыкла к такому своему состоянию. Он старше, она у него всегда как послушная любимая девочка. И его, и, конечно, ее вполне устраивало такое положение в семье.

Знала она, разумеется, и о том, чем занимается ее муж, понимала, что работа секретная, огласке не подлежит, но знакомо ей все это было лишь в общих чертах. Возможно, поэтому, когда сперва у майора Безменного, а позже и у следователя Головкина возникла служебная необходимость выяснить у жены подозреваемого Савина, известно ли ей, чем занимается ее муж, ответы ее были правдивыми и искренними. Да, знала, что служит в органах государственной безопасности, а вот где конкретно, совершенно не в курсе, у них в семье не принято интересоваться вещами, на которые распространяется государственная тайна. Поэтому ни о каких

документах, ни тем более об оружии в доме она просто не догадывалась. Да и к чему ей это? Работа мужа – это его прямое дело, как у нее – ученики в школе.

И при этом она, естественно, видела циничный, оценивающий взгляд Безменного, даже и не пытавшегося скрывать свой вполне определенный и конкретный интерес к очаровательной женщине, которой теперь, в связи с арестом мужа, наверняка будет скучно и тяжело сидеть одной дома, так что вполне можно... это... Нет? Жаль, а то почему бы и не встряхнуться немного, так сказать, не отдохнуть от пережитых волнений? Супруга-то долго теперь дома не будет, а в постели одной бывает очень неудобно и холодно... Тоже нет? Удивительный народ эти женщины...

Примерно то же самое видела Катя и в глазах следователя, но тот хотя бы не хамил, не лез с настырными, неприличными предложениями, а был вежлив, мягок и по-своему откровенен, но уже в ином смысле. Он ставил в известность о том, что арестованного ожидает нелегкая судьба, хотя расследование ведется максимально объективно, однако тем не менее, как говорится, от строгого суда можно ожидать и непредсказуемого решения. В общем, жди, но сильно не надейся, чтобы потом не испытать горького разочарования. Ну а когда станет уже невозможно ожидать, что ж, против природы, как известно, не попрешь. Так вот, он как бы уже заранее предупреждал ее, что будет теперь близко, что на его посильную помощь и объективность она может всегда рассчитывать, и делает это он исключительно из чувства справедливости. Хотя и не в силах скрыть своего очарования при виде столь исключительной женщины. Такой вот заход... А в общем, хрен редьки не слаще.

И когда неожиданно, хотя и совершенно естественно, ибо это она же ему и позвонила с воплем о помощи, появился Игорь Самойлов, сердце Кати, измотанное тревогой, сомнениями, болью от так нелепо разрушенных надежд, как-то неожиданно дрогнуло. И он наверняка это заметил, но не сделал ни одного лишнего движения, не сказал ни единого слова, которое она могла бы истолковать не в его пользу. Он был с ней не только предельно искренен, ей показалось, что нечаянно вернулось то сладкое время его первой влюбленности в нее, той влюбленности, от которой ей самой порой хотелось тогда скакать козой, не испытывая при этом никаких опасений, стыда там или вообще неудобства перед молодым – относительно, конечно, – мужем. И теперь, после недавней встречи, во время которой она словно снова увидела Игоря того, прежнего, еще до его первой женитьбы, которая и случилась, скорее всего, от безнадежности на какую-то взаимность с ее, Катиной, стороны, она почувствовала в себе странное спокойствие. Будто появилась уверенность, что судьба не так уж жестоко обошлась с ней, как думалось поначалу, что возможны просветы, изменения в жизни, и обязательно только в лучшую сторону.

Прошло всего несколько дней, а она уже не мыслила предпринимать какие-то дальнейшие шаги без четкого одобрения Игоря, и это ей тоже показалось совершенно новым ощущением. Что же, в сущности, произошло? Почему она стала видеть перед собой не скорбные глаза супруга – она была уверена, что Николай сейчас постоянно и безутешно скорбит, – а внимательный и словно бы вопросительный взгляд Игоря? И еще мелькала мысль – о чем же это он хочет спросить?

Сам собой возникал самодовольный в своей тональности ответ: «А ты будто сама не знаешь? Ничего не видишь? Не понимаешь? Да брось скрывать очевидное – стоит ему только взглянуть в твои глаза, как у тебя немедленно что-то екает внутри...»

Ответ, сам по себе, был, наверное, честным, но спокойствия в душу не вносил. Наоборот, она все больше ощущала, словно от движения каких-то посторонних волн, извне, что теперь, что бы ни произошло в дальнейшем, прежней жизни больше никогда не будет. Разве что в виде туманных воспоминаний. И от этого понимания ей становилось уже поистине страшно за себя.

Именно за себя, а не за Николая. С ним, почему-то становилась все более уверенной она, ничего страшного в конечном счете не случится. А вот с ней? Тут не было абсолютно никакой ясности.

И вот уж это являлось – всей душой чувствовала Катя – чистейшей правдой.

И тогда она снова начинала страдать, принимая эту правду. Мучиться, переживать из-за своей нелепо теперь уже сложившейся жизни, хотя еще месяц-два назад она и не мыслила думать о себе в таком ключе...

Она смотрела на Игоря, сидевшего за обеденным столом на обычном месте ее мужа, в углу, у стены, на кухне, слушала его рассказ о встрече со старым чекистом, который чрезвычайно заинтересовался судьбой подполковника Савина, и фактически не различала слов.

Было уже поздно, шел одиннадцатый час. Кухонный телевизор она выключила, чтобы не мешал разговору, но Игорь, превосходно знавший, с какой системой он имеет дело, попросил включить и, наоборот, сделать звук погромче. И по этой причине он близко наклонился теперь к Кате и негромко говорил, почти шептал ей в самое ухо, рассказывая о теме разговора и о предложении Шляхова взять даже оплату труда адвоката на свой фонд. И она слушала, кивая, а сама внимательно наблюдала, как шевелятся губы Игоря, как небрежным, привычным движением он подносит ко рту сигарету, делает долгий вдох, а потом какое-то время, словно размышляя о сказанном, держит дым в себе, выпуская его тонюсенькой струйкой.

Савин никогда не курил, она – тоже, поэтому в доме и была-то всего одна тяжелая хрустальная пепельница, которую доставали, когда приходили гости. Но в последнее время это происходило все реже, и вот снова пришлось. В пепельнице уже было несколько скомканных, докуренных почти до желтого фильтра окурков. И Катя смотрела на них, как на что-то новое, необычное, уж во всяком случае для себя. Будто эти окурки каким-то совершенно непонятным образом символизировали быстро назревающие изменения в ее жизни, о которых она вполне искренне боялась даже думать. Но ведь Игорь же говорит, что новый адвокат – не тот, которого настоятельно советовал ей взять Головкин, а совсем другой, тот, что будет сражаться за Николая как барс, – сможет сделать даже невозможное. И значит? А что – значит? Разве они Николай так просто отпустят? Нет, у них система, и, чтобы знать об этом, совсем не обязательно разбираться в сокровенных тайнах их службы. Но это будет означать, что как бы и чего бы кто ни говорил, чего бы ни доказывал, но доля вины за содеянное все равно за Николаем будет числиться. И они даже эту малую, может, совсем незначительную долю, дольку не оставят без наказания. А раз так, то о чем же думал Николай, когда шел на такой шаг? Разве он думал о ней, о своей единственной жене? О чем он вообще думал?! Наверное, прежде всего о себе, о своих служебных проблемах, о принципах, в конце концов, которые так его подвели. Если дело в принципах... Это Игорь теперь для него так старается, и его она может понять, потому что... ну потому что он ее любит. По-прежнему, как тогда!.. А как же она? Ну почему ей так сладко, почти до слез приятно смотреть сейчас, как он курит?..

– Ты не слушаешь меня?

Этот вопрос она скорее поняла, словно прочитала по движению его губ, чем услышала.

– Нет, я пытаюсь... – почему-то немного испуганно произнесла она. – Наверное, я просто задумалась...

– О чем, Катюша?

– О тебе, – неожиданно вырвалось у нее.

– Ты не шутишь? – с явным недоверием тихо спросил он. – Катюша, такими вещами шутить нельзя, милая. Зачем ты так?

– А ты чего-то испугался? Странно, я представляла себе, что ты окажешься решительнее.

– Ты о чем говоришь, Катя? – совсем уже насторожился Игорь.

Брови его нахмурились, и Катя вдруг испугалась, что он сейчас встанет и уйдет. Причем теперь уже точно навсегда. И она еще больше испугалась. Решив исправить свою невольную, сорвавшуюся с уст ошибку, она спросила его в свою очередь:

– Знаешь, Игорек, мне показалось, что и ты в какой-то момент продолжал говорить, но сам в это время думал о чем-то постороннем. О чем, милый?

И он словно обмяк. Резким жестом растер в пепельнице очередной окурок и ответил:

– Могу признаться, потому что и прежде никогда не скрывал, что когда я нахожусь рядом с тобой, то думаю только об одном... вот...

– О чем? – Она жалобно улыбнулась, склонив голову набок.

– О тебе... О том, как беру тебя на руки... Как прижимаю к себе... Нет, это просто какое-то наваждение! Извини.

– А я ведь знала, что ты был в меня влюблен, – просто сказала она. – С самой первой встречи. Это было в парке «Сокольники», где вы с Колей собирались пить пиво. Я тогда тебя увидела, и вот тут, – она потерла ладонью под грудью, – что-то будто оборвалось. И я потом сильно переживала, что, наверное, что-то не то сделала в жизни. Но никому не рассказывала... Что ж, каждый платит за свои ошибки сам. Прости, я не предложила тебе ужин, ты наверняка хочешь есть? Я сейчас быстренько приготовлю, а? – Катя поднялась и подошла к холодильнику.

Игорь молча смотрел на нее, словно изучал. Оглядел внимательно лицо, потом взгляд его спустился к груди, ниже. Когда смотрел на ноги – она знала, что они у нее немного более полноваты, чем следовало бы по каким-то там канонам, но зато оставались завидно сильными и высокими, – на его лице появилась лукавая ухмылка. Это точно, уж косых взглядов в сторону собственных ног Катя достаточно насмотрелась в жизни. Ах, мужики, все вы, в сущности, одинаковы! И все-то вы знаете, что вам надо!..

И тогда она так же молча подошла к нему, обняла его голову и с большой силой, резко, на выдохе, прижала его лицо к своей полной груди, которой бы родное дитя кормить, да вот не вышло в этой жизни...

А потом ей показалось, что она птицей взлетела в небо...

Очнулись они, совершенно растерзанные оба и полностью обессиленные, лишь когда за окном, затянутым полупрозрачной занавеской, стало совсем темно.

– Сумасшествие... – рокошующим и хриплым от усталости голосом с трудом произнес он.

– Ты не поверишь, – прошептала она, пряча лицо у него под мышкой, – мне и в самом сказочном сне не привиделось бы, что такое бывает...

– Это, наверное, потому, – Игоря потянуло на философские умозаключения, – что мы очень долго и думали, что это безнадежно, и хотели друг друга. Несмотря ни на что, да?

Она быстро закивала.

Он же, больше как будто уже ни о чем не размышляя, лежал, поглаживая сильными пальцами ее горячее и упругое тело. Рука его скользила куда хотела, и Катя не сопротивлялась, не вздрагивала, и ей не было ничуть стыдно, когда пальцы, словно массирующие ее втянутый, напряженный живот, вдруг коснулись интимного места. Нет, она все-таки вздрогнула и сама подалась к нему, ощутив новый прилив жгучего желания. А он, вместо того чтобы всем телом ринуться к ней, вдруг слегка отстранился и спросил:

– Как ты считаешь... и как вообще у вас, женщин, принято, в тридцать пять... тебе же сейчас столько, да? Рожать еще не поздно?

Она сама едва не подскочила и, резко обернувшись к нему, приподнялась на локте.

– Ты что, серьезно? – Ее строгий и немного испуганный взгляд уперся в его зрачки.

– А я вообще серьезный человек, разве ты не знала? Могла хотя бы догадаться...

– А как же... Коля?

Вопрос был, конечно, тот еще.

– Чем бы ни закончилось следствие и процесс над ним, я буду помогать ему. А там уж как судьба распорядится. Поверь, я тоже не всемогущ, хотя могу сделать немало. Но вопрос свой задал не с провокационной целью. И когда объясню тебе, о чем подумал, ты, может быть, сама согласишься со мной.

– Я слушаю, – ответила она, но не легла снова, а как бы нависла теперь над ним.

– Я давно издали наблюдал за вами и всегда думал, что оставлять тебя бездетной – это великий грех перед природой-матушкой. Ты ведь хочешь ребенка?

– Хотела, но... не знаю, в чем причина.

– Значит, надо пробовать еще раз. Могу честно признаться, сегодня, вот только что, когда я держал тебя в объятиях, я просто физически ощутил тебя матерью... моего ребенка. Ты только не смейся.

– Я не смеюсь, – серьезно ответила она. – И как же ты думаешь, что будет у нас дальше?

– Ты согласишься выйти за меня замуж, и мы с тобой уедем вдвоем... нет, уже втроем, далеко-далеко, на самый край света, и станем жить в любви и согласии. Как тебе такой мой план?

– Очаровательный, – без улыбки сказала она. – Но где твой край света? И как я смогу бросить Николая? За что?

– Оставляют не за что, а почему. Потому что, я уверен, после этой истории у него будет совсем другая жизнь. Которую ты никогда не поймешь. И вряд ли полюбишь... Возможно, что лучше даже стараться понять не надо. А где край, куда я тебя увезу, ты скоро узнаешь. Ситуация будет зависеть от целого ряда причин. И скажу больше: возможно, наш с тобой брак поможет ускорить отъезд. Я не хочу объяснять тонкостей, но... в нашем деле много условностей, которые мы просто обязаны соблюдать.

– Я, кажется, поняла. Для очередного выезда тебе требуется полноценная и официально зарегистрированная в ЗАГСе семья. Не так? Николай что-то, по-моему, однажды говорил такое. А после твоего развода у тебя в этом отношении появились определенные сложности. Я права?

– Отчасти да. Но только отчасти. Меня и одного отправят, если потребуется. Но я хочу именно с тобой. Мы уедем далеко и надолго, на несколько лет. Дочка подрастет...

– А я мечтала о сыне.

– Я уверен, что мы с тобой договоримся. – Он шутливо прижал ее к себе, потом ловко перевернулся, и она оказалась под ним. – А теперь я хочу, чтобы ты стала действительно моей любимой женой, а не просто самой очаровательной из всех на земле любовниц.

– Сумасшедший! – воскликнула на этот раз она, и все ее тело пронзило ощущением такого опалющего счастья, от которого нигде не было спасения.

Мир резко покачнулся, потом словно взорвался и стремительно ринулся ввысь, разбрызгивая во все стороны ослепляющие капли расплавленного солнца...

На рассвете низким и страстным голосом воркующей горлицы Катя уверенно сказала Игорю о том, что она больше не мыслит себе жизни без него, а все прошлое оказалось ошибкой, едва не ставшей для нее роковой.

Самойлов, впервые позволивший себе курить в чужой постели, коротким тычком загасил сигарету в пепельнице, стоявшей рядом, на тумбочке, повернулся к Кате и взглянул на нее настороженно. Но, увидев ее глубокие, словно воспаленные от желания глаза, ничего отвечать не стал, а просто ногами отшвырнул в сторону мешавшее им одеяло. Катя протяжно застонала от восторга, и утренний свет померк в ее глазах.

Так на всей ее предыдущей жизни была поставлена точка.

4

Шляхов позвонил Екатерине Юрьевне и сказал ей то, о чем Кате было уже известно от Игоря. То есть она поняла, что в Фонде поддержки гласности в спецорганах действительно уже принято официальное решение выделить деньги на защиту Савина Николая Анисимовича и помочь супруге арестованного подполковника найти подходящего адвоката. Все это было сказано бесстрастным, сухим и безапелляционным тоном, каким зачитывают, наверное, подумала Катя, военные приказы. Но для проведения решения правления фонда в жизнь требовалось ее, Катю, неременное присутствие.

Что ей надо было делать? Взять свои документы, удостоверяющие ее личность, а также заключенный брак с Николаем Анисимовичем Савиным и подъехать к одиннадцати часам утра в район метро «Таганская», где находится юридическая консультация номер десять. Шляхов продиктовал адрес конторы, Катя старательно записала.

Но, положив трубку, она тут же снова схватила ее, чтобы набрать телефон Игоря. Без его совета она теперь ничего не могла бы сделать – так ей казалось. А впрочем, и хотелось.

После ночи, проведенной вместе с ним и словно бы разделившей ее прежнюю жизнь на две половинки – прошлую, долгую, праведно спокойную, но... стремительно и грубо оборванную, и новую, которую она еще толком и не понимала, не слишком отчетливо представляла себе, зато интуитивно чувствовала ее скорое, восхитительное, ни с чем не сравнимое приближение, – Катя решила больше ничего не предпринимать без совета и согласия Игоря. Он стал для нее теперь конкретным и единственным воплощением решительно всего, что еще осталось в ее жизни.

Да, был один такой момент уже после того, как она получила известие об аресте Николая, совпавшего с тем бесстыдным, отвратительным обыском, ее собственным безумным стыдом и страхом, момент, когда она подумала, что вся ее жизнь кончилась вообще. Это было подобно смерти, после которой, говорят, душа умершего долго еще витает над бывшим своим жизненным пристанищем и уже отстраненно наблюдает, что делают, чем занимаются, что говорят об ушедшем человеке дорогие когда-то ему люди. Вот так, все видеть, слышать и понимать и не иметь ни малейшей возможности вмешаться, что-то, может, успеть еще исправить, объяснить, в конце концов. Бездна, одним словом. Состояние, при котором невозможно ничего предпринять, как-то на что-то повлиять или хотя бы успокоиться самой.

И явление Игоря в той ситуации было поистине спасительным. Словно сам Бог послал его к ней на помощь, увидев, что она уже бессильна что-то еще делать в этой жизни. Наверное, поэтому она теперь готова была молиться на Игоря, который не только возвратил ее к жизни, но и поклялся возродить все ее мечты, о которых Катя сама уже, увы, забыла.

Она никогда не была особо религиозна, скорее, суеверна. То есть, как всякий достаточно образованный и начитанный человек, знала о Божественных заповедях и в душе, может, даже чисто по-женски, разделяла их и верила в их незыблемость. Уверена была, что за нарушением определенных обетов обязательно последует наказание, что существует высший справедливый суд, и только абсолютно честный человек может без опаски смотреть в глаза Судьи. Таким человеком она видела мужа, верила, что и сама неспособна совершить грех, за который потом пришлось бы стыдиться смотреть людям в глаза. Так было. Но вот случилась страшная беда, жизнь полетела под откос, кувырком, и Катя оказалась не готовой к подобным резким переменам. То, что было для нее крепким и устойчивым, предстало рыхлым и сумбурным, лишенным всякой логики и добропорядочности. А тут еще появление Игоря и совершенно уже необъяснимое ее собственное стремительное и безумно сладостное падение в пропасть.

Был посреди той невероятной ночи момент, когда Катя, воспитанная в постельном отношении в определенном целомудрии – Николай никогда не допускал себе с нею никакой разнуз-

данности, вольности, особых фантазий, и это представлялось ей естественным и единственно возможным в настоящей, правильной семейной жизни, – так вот, она вдруг собственными глазами узрела невероятную картину. Ее словно светящиеся в ночи, высоко вскинутые сильные ноги сжимали в страстном порыве взъерошенную голову Игоря, а он, ухватив их мощными руками, с протяжным стоном целовал под коленками и никак не мог успокоиться, настолько его трясло от переживаемых эмоций.

Оказалось, что она была вовсе не ленивой «ледышкой», как иной раз с шутливым удовлетворением замечал ей муж, а по-настоящему страстной и пылкой женщиной, просто до поры не разбуженной и не зажженной от чужого огня. И теперь, обнаружив себя в совершенно невероятной позе, отдаваясь безудержным и стремительным толчкам, от которых у нее все пылало и плавилось внутри, почти затухающим сознанием она открывала в себе то, чего никогда не находила в постели с мужем.

Именно так, вопреки всему, вопреки всем своим прежним убеждениям и привычкам, Катя неожиданно для себя совершила потрясающее открытие, ощутила вдруг, что, оказываясь, всю свою прошлую жизнь не доверяла себе, отказывая, возможно, в самом необходимом, а на самом деле она еще как способна на безумный взрыв чувств! И после такого, в буквальном смысле, обморочного открытия, когда черные тучи над головой сами по себе рассеялись, она снова увидела ослепительное солнце, но, самое главное, перспективу. Пусть не совсем ясную и четкую, но уже зримую, и это обстоятельство было для нее теперь, пожалуй, наиболее важным.

Тон голоса Игоря Васильевича – строгий и официальный – немедленно стал нежным и ласковым, едва он понял, кто ему звонит.

– Минутку, дорогая, – предупредил он, и в трубке стало тихо, как если бы он зажал микрофон ладонью. Но через полминуты спросил: – Что у тебя? Я слушаю, дорогая.

И это дважды повторенное слово «дорогая» снова с непонятной силой потрясли Катю. Захотелось даже закричать, например, такую вот не очень осмысленную фразу: «Он любит меня!» И может быть, впервые она вкладывала в нее совершенно новый для себя смысл.

– Я слушаю, слушаю тебя, – немного тише повторил Игорь. – Извини, у меня сейчас совещание. Если что-то не очень срочное, то, может быть?..

– Мне звонил твой Шляхов, пригласил приехать в адвокатскую контору! – выпалила она, испугавшись, что Игорь может положить трубку.

– Ну так в чем дело? Это же прекрасно! Или ты желаешь, чтобы я тебя сопровождал? Но подумай сама, удобно ли это? Как это будет выглядеть со стороны?

«А ведь он прав, – подумала Катя и почувствовала, как кровь прилила к щекам, – стыдища-то какая! Еще ведь подумают: вот, девка, спровадила мужа в тюрьму, а сама уже шашни закрутила с любовником!..»

И хотя она внутренне понимала, что ничего постыдного не сделала, просто однажды каждый человек встает перед необходимостью выбора, вот и перед ней тоже образовалась дилемма, и ее пришлось однозначно решить, она почувствовала, что Игорь в данном случае прав, хотя и ничего не сказал такого, от чего на самом деле ей пришлось бы краснеть.

– Хорошо, Игорек, – робко сказала она. – Я сейчас соберусь и поеду. Я просто хотела знать твое мнение. И еще, в какой степени я могу быть с этим Шляховым откровенна?

Вот он, вопрос, который у нее вырвался неожиданно, но который, вероятно, крепко уже угнездился где-то в мозжечке, может быть, и не то чтобы явно, а так, словно исподволь, зудел и не давал покоя.

– Ты хочешь знать, надо ли раскрывать перед Валерием Петровичем суть наших с тобой отношений? Полагаю, рановато. Ты ведь будешь в данном случае выступать в роли еще настоящей, а не бывшей жены Савина. Для нас с тобой это не имеет существенного значения, а для них имеет обязательно. То есть нанимать адвоката будешь ты, в чем они тебе обещали всячески посодействовать, понимаешь? Тут есть определенные тонкости. Вот мое мнение. Но ты посту-

пай так, как решишь сама. В сегодняшней конкретной ситуации твое мнение гораздо важнее моего. А вот когда ты вернешься, позвони мне, я постараюсь сегодня выбраться пораньше... – И добавил свистящим шепотом: – Я невероятно соскучился, так, будто не видел тебя сто лет...

Катя онемела от радости. Посмотрев на себя в зеркало, она увидела свои пылающие щеки, красные пятна на шее и груди. Но они были вовсе не от стыда, нет. Скорее, от вспыхнувшего в ней вновь бешеного желания прижать к себе любимого мужчину изо всех сил и самой вжаться в него так, чтобы никакая сила не могла растащить в их стороны.

«Неужели теперь так будет всегда?» – подумала она в непонятном самой себе смятении. И все, что теперь не касалось ее новых отношений с Игорем, все, что осталось за чертой, обозначенной страшным словом «арест», она видела, словно наблюдая со стороны, все это становилось для нее, в общем, посторонним и по-своему малозначительным для будущей ее жизни.

Нет, такое серьезное понятие, как чувство долга, с которым она прожила всю свою сознательную жизнь, включая замужество, было ей вовсе не чуждо, и оно не исчезло вместе с рождением ощущения всего этого нового. Поэтому, размышляя о будущем, Катя не забывала и слов Игоря о том, что он просто морально обязан сделать все возможное для оправдания Николая. Это ее радовало, поскольку как бы проводило черту равенства между нею и ее новым избранником. Они оба хотят Николаю только добра и будут делать его сознательно и настойчиво до тех пор, пока... Пока что? Ну, скажем, пока не решится окончательно его судьба, вот так.

И она отправилась на Таганку, благо оставалось ровно столько времени, чтобы доехать без опоздания...

Валерий Петрович оказался не один, как она ожидала. Рядом с ним, у подъезда юридической консультации номер десять, стояло еще несколько человек. Они курили, сбрасывая пепел сигарет в урну перед ступеньками небольшого крыльца. Увидев Екатерину, мужчины, словно по команде, разом, повернулись в ее сторону и смотрели, как она приближается к ним.

Катя мгновенно почувствовала себя очень неуютно под этими словно изучающими ее взглядами, напоминавшими – ни много ни мало – рентгеновские лучи. Это была, конечно, чушь, Катя знала, что никакой человек не может чувствовать рентгеновские лучи, просвечивающие его насквозь, но ощущение было именно таким, и взгляды казались жесткими и почти материальными.

Она подошла, поздоровалась, кивнув всем сразу. Один из пожилых, как она теперь разглядела, людей протянул ей руку и представился:

– Я – Валерий Петрович. Это, – он окинул взглядом товарищей, – мои коллеги, члены правления нашего фонда. Мы хотели познакомиться с вами, чтобы в дальнейшем иметь возможность планировать наше сотрудничество, если... – Шляхов сделал паузу и, снова оглядев коллег, закончил: – Если в нем будет реальный смысл. Итак, я не стану сейчас никого вам представлять, можете верить мне на слово, что все мы одинаково переживаем за вашего супруга и считаем, что на самом деле главным предметом серьезного обсуждения в компетентных органах должна быть провокация. Эту мысль мы и намерены высказать вашему будущему адвокату, если он согласится вести дело подполковника Савина. Скажите, что вам известно по этому делу? С вами ведь уже разговаривал следователь?

– Разговаривал, – бледнея от волнения, промолвила Катя, – но только я, к сожалению, поняла немного. Николаю, как он сказал, инкриминируют – это его слова – раскрытие государственной тайны врагам Родины и, таким образом, измену Родине.

– А поконкретнее вы ничего сказать не можете? – спросил ее высокий, седой мужчина, который тут же и представился: – Полковник Рудак к вашим услугам, Екатерина Юрьевна. Иван Алексеевич, если позволите.

Это было сказано вежливо и даже с некоторой изысканностью, про которую Катя читала в книгах русских классиков, вроде Тургенева, Куприна...

– Нет, к сожалению, из того, что он говорил, я имею в виду частности, я, как человек весьма слабый и необразованный в юридическом смысле, мало что поняла. Впрочем, речь шла о передаче кому-то за границу каких-то важных документов, которыми Николай якобы завладел, еще работая в спецархиве. Я знаю, в его жизни был период, когда он, по его словам, много возился с бумажной канцелярией. Но это все было, по-моему, еще до перестройки. То есть я хотела сказать, когда существовал Советский Союз, разве не так? Вон уж сколько лет прошло.

– Срок давности имеет свои законы, – туманно не то ответил ей, не то просто констатировал Шляхов. И, обернувшись к Рудаку, он добавил: – А вам, Иван Алексеевич, я уверен, есть прямой смысл обсудить принятый закон «О гостайне», поскольку некоторые, хм... господа, допускают слишком вольное его толкование.

– И, как правило, в свою собственную пользу! – добавил не представившийся Кате коллега Шляхова, тоже пожилой мужчина невысокого роста, но не с мягкими, как у Валерия Петровича, а с жесткими, словно вырубленными топором из темного дерева, чертами удлинённого лица.

И сразу все загомонили, высказывая каждый свое мнение. Никто больше не смотрел на Катю, она будто осталась одна, в стороне. И даже почувствовала себя здесь как бы лишней. Шляхов, заметила она, успел выслушать реплику каждого, и от того, соответствовало ли его собственному убеждению то, о чем говорил коллега, менялось и выражение его лица. Наконец он подвел итог, немного демонстративно хлопнув в ладоши – спокойно так, негромко.

– Я думаю, коллеги, что наше мнение не будет безразлично адвокату, которого нам посоветовали нанять. Если, – он круто обернулся к Кате, – не станет возражать Екатерина Юрьевна.

– Естественно... Разумеется... А как же иначе? – раздалось несколько голосов.

– Значит, полагаю, на том и остановимся. А теперь, – он аккуратно взял Катю под руку, – если больше нет вопросов, давайте пройдем к господину адвокату и изложим ему наше дело.

«Наше... – отметила про себя Катя. – Они здесь назвали дело ее мужа своим? Но почему? А может, и они тоже отчасти причастны к делам, за которые теперь будут судить ее мужа?..» И ее тут же неприятно кольнуло открытие того, что она, возможно даже впервые в жизни, мысленно назвала Савина не Николаем, не Колей, не Николаем Анисимовичем, что иной раз случалось, а нейтральным и каким-то третьестепенным словом «муж». «Но, во всяком случае, – сразу поправила себя Катя, – он будет теперь хотя бы не один... Ну, во-первых, его коллеги... А потом, Игорь же уверенно сказал, что после таких событий жизнь Николая пойдет по совсем другому пути... А Игорю верить можно. И нужно, потому что иначе нельзя, потому что она вся была наполнена сейчас им, и только им. Нельзя любить человека, которому не веришь. Теперь Катя отлично поняла смысл этой банальной, в общем-то, фразы. А ведь раньше жила и думала, что можно...»

Наверное, она хотела сказать себе: можно думать, что любишь. К сожалению, так часто бывает.

5

Юрий Петрович Гордеев заметил с приветливой улыбкой, что такого количества «звезд» стены его кабинета, в которых он провел уже, можно сказать, годы, он никогда не видел. Это к тому, что гости, представляясь по очереди, повторяли: «Полковник Шляхов», «Полковник Рудак», «Полковник Титов», «Полковник... полковник... полковник...».

Шутка понравилась. Гости расселись и приступили к сути дела.

Гордеев смотрел на женщину – несколько странно смотрящуюся, возможно, даже чужую в этой компании – и думал о том, что, если бы судьба на одном из своих перекрестков случайно представила ему ее, уж он бы – сто очков вперед! – ни за что не упустил такого шанса!

Она была прекрасно, на его взгляд, сложена, не слишком полная и не худая, а именно в меру, то, что особо нравилось Юрию Петровичу, по-своему загадочно, словно несла в себе недоступную другим тайну. Ее полагалось называть пострадавшей стороной, но как-то язык не поворачивался, потому что она вовсе не представлялась Гордееву сломленной горем женой арестованного и обвиненного в шпионаже некоего подполковника. Больше того, ему показалось на миг, впрочем, Гордеев мог и ошибаться, что вся эта история, да и приход к нему в адвокатскую контору касается ее лично далеко не в главной степени, что у нее есть куда более важные в жизни дела, а все остальное, включая защиту мужа, тщательно соблюдаемая ею формальность.

А в общем, подвел краткий итог своим не менее кратким наблюдениям Юрий Петрович, кто их всех знает, этих жен полковников и подполковников-гэбистов, чем они живут, о чем думают, что их больше всего волнует. Не исключено, что прежде всего собственное спокойствие. Тогда это хоть что-то объясняет.

Излагая существо дела, полковник Шляхов едва не совершил тактическую ошибку, хотя и, как говорится, из самых лучших побуждений. Он сказал о том, что следователь Головкин уже настойчиво предлагал Екатерине Юрьевне воспользоваться услугами адвоката Эделя, но они, коллеги Савина, воспротивились. И, как человек, любящий во всех вопросах полную ясность, стал объяснять почему.

Конечно, лестно слышать похвальные речи о себе, особенно когда их источником является какое-либо видное в общественном смысле лицо. Но это ли обстоятельство должно быть поводом к тому, чтобы взваливать на себя защиту человека, который будет, возможно, обвинен, ни много ни мало, в предательстве Родины? Во всяком случае, до полной своей ясности, с чем придется столкнуться в процессе защиты, давать свое твердое согласие не очень хотелось.

К тому же Гордеев неплохо знал Ефима Эделя, представлял себе его несомненные достоинства, такие, как красноречие, вездливость, аккуратность во всей этой канцелярщине, которую сам Юрий Петрович только терпел. И перебегать дорогу известному московскому юристу, автору нескольких узкоспециальных книг, ему вовсе не хотелось. Тем более если вдруг разговор с Эделем у Савиной уже был.

Но она категорически отрицала любую договоренность, утверждая, что это ей советовал следователь.

Ну тогда, возможно, другое дело, тогда следовало бы подумать, прежде чем предпринимать окончательное решение.

Однако господа полковники торопили, настаивали, аргументируя тем, что это будет настоящая борьба за честь и жизнь человека. Ну да, Гордееву сейчас только не хватало для утверждения собственного благополучия высокой трибуны и громкой, обличающей речи по поводу отсутствия в органах государственной безопасности гласности и гражданских свобод.

В общем, они уламывали, как могли. А женщина молчала. Просто смотрела на Юрия Петровича прохладным и чуть сонным взглядом и ничего не говорила, за нее старались полковники. А он пытался угадать, что кроется за этой серой занавесью ее глаз, какие мысли гуляют в этой красивой голове, вообще о чем она сейчас думает? Явно же, что не о судебном процессе, который еще предстоит. И в том, что она не волнуется по поводу своего будущего – ведь суд над Савиным в любом случае, суд и отчасти над ней самой! – Гордеев был просто уверен. Но почему?

А может, вся эта катавасия была затеяна не ею, а именно этими полковниками, защитниками попранной справедливости? Ведь у них и фонд так называется. А для нее бывшая жизнь с мужем уже пройденный этап? Почему бы нет, между прочим? Интересно, надо будет потом поинтересоваться как-нибудь, при случае, как она сейчас живет, о чем думает, на что надеется? Ненавязчиво высказать как бы свою заботу, а там, глядишь, чем черт не шутит? Или даже и не пытаться? Может, за этой странной ее «прохладцей» скрывается уже какая-нибудь

новая перспектива... А может, это просто ширма такая у этой уставшей от чуждых ей забот женщины, подлинные мысли и страсти которой находятся совсем в другом месте? А в каком?

Гордеев едва не усмехнулся от неожиданного предположения, но взял себя в руки, заметив, что его размышления об этой женщине постоянно отвлекают от дела, которое продолжал излагать полковник Шляхов.

И тут его насторожила одна деталь. По глубокому убеждению Валерия Петровича, который здесь, в кабинете Гордеева, собственно, и взял ведение переговоров в свои руки, фактизация дела с арестом подполковника Савина и обвинение его в разглашении государственной тайны на руку прежде всего «лубянскому генералитету». Почему? Да ответ предельно прост! Вся практика последних лет, постоянные указания президента, которые, как это ни дико звучит, попросту игнорируются в руководстве Федеральной службы безопасности, указывают на то, что в самой Службе дела крайне скверны. Ее практически не задевают ни чистки, ни реформы, ни обновления. В современных условиях требуется новый, свежий взгляд и подход к деятельности Службы. Но ничего подобного как не было, так, похоже, и не предвидится в ближайшем будущем. И в этой связи государство постоянно несет неисчислимые потери – и в сфере борьбы с террором, и в сфере той же борьбы со шпионажем, и в сфере правовой и гражданской защищенности российских граждан. Далеко ходить не надо, на последних совещаниях ФСБ президент уже неоднократно прямо и четко указывал на все эти нерешенные проблемы. Но... «лубянский генералитет», эта старая чекистская гвардия, и ее новейшие апологеты из числа молодых, ловко устроенных в жизни генералов, вкусивших власти, делают все, чтобы затормозить любые возможные перемены в своей Службе, где исподволь, а где и напрямую противодействуя любым новым начинаниям. И всякая критика, как со стороны, так и изнутри системы, как это произошло и в случае с подполковником Савиным, который не раз выступал на совещаниях с резкими критическими замечаниями по адресу своего руководства, принимается ими в штыки.

Другими словами, понял Гордеев, господа генералы решили отомстить настырному и упрямому подполковнику и «заварили» эту неприличную кашу с какими-то секретными документами, которых, возможно, и отродясь-то не было. Ну, опять же к примеру, чего стоят сегодня записи телефонных разговоров лидеров «метвеевской» оргпреступной группировки с отдельными представителями силовых структур, которые происходили бог знает когда? Какую государственную тайну сегодня может представлять собой оперативная разработка «матвеевских», когда группировка эта, по существу, рассеяна, практически не существует, а те, с кем велись переговоры, либо осуждены, либо давно уволены из органов? И ведь вот так фактически обстоит дело с каждым пунктом обвинения.

Правда, если быть справедливым, заметил Шляхов, то само обвинение Савину еще не выдвинуто, но это дело нескольких дней, как сообщил супруге подполковника сам следователь Головкин. Именно в этом ключе и вокруг конкретно этих вопросов и вел он свою беседу с ней. Или, правильнее сказать, допрос.

И чтобы избавить адвоката от возможных сомнений, Шляхов призвал в свидетельницы Екатерину Юрьевну. А та, будто повторяя за полковником только что сказанное им, словно ученица по подсказке, подтвердила, что да, именно об этом говорил ей и спрашивал, что ей известно по данным вопросам, следователь Головкин. Но она никогда не вмешивалась в дела мужа, не могла также и интересоваться ими, потому что они всегда были в доме табу. У них и посторонних людей, гостей например, в последнее время практически не было, это в молодости, бывало, любили повеселиться в компании. А так – весьма узкий семейный круг, жизнь без особых излишеств, он работал у себя, она работает в школе... Их вполне устраивало.

«Все-таки странная какая-то у нее жизнь, – снова подумал Гордеев. – Ни друзей. Ни компаний... И что же, так и ни единого увлечения? Сугубая верность, как у Пенелопы? А

сам-то муж стоил ли того? Может, он красавец писанный? Человек, скажем, иных богатырских достоинств? За которым – хоть на край света?.. Подполковник? Нет, как-то непохоже...»

И Юрий Петрович постарался вновь сосредоточиться, потому что одна промелькнувшая в разговоре мысль неожиданно привлекла к себе его внимание и немного насторожила. Шляхов заявил, что, по его глубокому убеждению, «лубянский генералитет» вошел в сговор с военной прокуратурой и военным судом с той целью, чтобы совместными усилиями состряпать уголовное дело и упрятать отличного мужика в тюрьму.

А главной причиной, точнее, поводом для этой акции послужило то обстоятельство – вот наконец Гордеев, кажется, и докопался до истоков! – что Николай Савин в свое время дружил с полковником Виктором Латыщенко, который оказался «перебежчиком» в конце девяностых годов. И теперь он в своих громких выступлениях на всяких западных радиостанциях время от времени «выворачивает наизнанку» лубянские погребки, рассказывая о тайных операциях и жертвах гэбэшной системы, а также демонстрируя всему цивилизованному миру, как в российской службе госбезопасности на самом деле понимали и понимают сегодня гласность, гражданские права человека и прочую «демократическую дребедень», которая нам и на дух, оказывается, не нужна. А генералы, больше всего боящиеся именно гласности, как таковой, твердо уверены, что делает это недостижимый для их рук предатель Латыщенко с помощью либо даже с подачи своего старого дружка подполковника ФСБ Савина. И за такое преступление, за то, что вскрывается тайное тайн их «героического прошлого», нет и не может быть предателю никакого прощения. Вот и вся, собственно, интрига.

Ох, лучше б уж, ей-богу, не подводил Шляхов свои долгие речи к такому выводу! Всякое желание отбил он у Юрия Петровича заниматься данным делом – только в лубянские дразги не хватало ему сейчас лезть...

Но все смотрели на него со странной надеждой, будто ни у кого из этих пожилых людей даже и мысли не появлялось, что он может вдруг отказаться.

А ведь они тоже прошли эту жизнь, подумал Гордеев. И они ничего не боятся, говорят открыто, значит, не так уж все и плохо?

Он еще раз посмотрел на Екатерину Юрьевну, словно что-то про себя прикидывая или хотя бы для того, чтобы поймать ее реакцию на его «внутренние колебания», но быстро понял, что ничего не увидит просто так на лице этой очень неожиданной и весьма притягательной женщины, с ходу раскусить характер которой ему, кажется, не дано.

Короче, он дал свое согласие взять на себя защиту подполковника Савина.

Вопрос с гонораром решили быстро, и полковник Шляхов внес в кассу юридической консультации положенную сумму аванса. Сам же Гордеев оформил соглашение с Валерием Петровичем как с представителем общественного фонда, который действовал по поручению супруги Савина – Екатерины Юрьевны. Затем в канцелярии своей же консультации он получил ордер на защиту клиента в стадии предварительного расследования и, таким образом, с этой минуты уже официально приступил к исполнению обязанностей защитника по уголовному делу подполковника ФСБ Николая Савина.

Прощаясь со своими клиентами, Гордеев сделал часто удававшуюся ему в подобных ситуациях попытку расстаться с загадочной клиенткой таким понимающим и многообещающим взглядом опытного в житейских, в том числе и женских, делах человека. Но Екатерина Юрьевна просто не заметила потуг Гордеева, кивнула равнодушно, как всякому просто знакомому человеку. Однако когда он попросил ее оставить свой домашний телефон на тот случай, если возникнет по ходу дела какой-нибудь неотложный вопрос – а он обязательно возникнет, и не один, это Юрию Петровичу хорошо известно из его собственного адвокатского опыта, – она спокойно протянула ему маленькую самодельную визиточку, какие обычно имеют школьные учителя, беседующие с родителями своих учеников. На ней и было напечатано, скорее всего,

с помощью школьного компьютера: «Савина Екатерина Юрьевна, учитель биологии». И – от руки вписан домашний телефон.

В этот же день Гордеев созвонился со следователем Головкиным.

Петр Константинович был удивлен, но, по голосу чувствовалось, не очень, тем, что Гордеев получил ордер на защиту Савина, хотя он рассчитывал – именно это слово следователь и произнес, когда Юрий Петрович представился и сообщил о предмете своего служебного интереса, – так вот, рассчитывал на то, что вообще-то за это дело возьмется Эдель.

– Ну раз этого не произошло, значит, – сказал он, – будем теперь работать с вами. – При этом в голосе его не было ни малейшей враждебности. – Надеюсь, – добавил он, – нам не придется устраивать всякого рода демонстрации, ибо действовать мы оба постараемся исключительно в жестких рамках законности, не так ли?

– Естественно, совершенно с вами согласен, – ответил Гордеев. – Так когда я, по вашему мнению, мог бы ознакомиться с обвинительным заключением?

– Не далее как послезавтра. Я как раз собираюсь предъявить подозреваемому Савину обвинительное заключение, и ваше присутствие при этом будет чрезвычайно уместным. Так что после десяти утра, в четверг, я жду вас в Лефортове, пропуск на ваше имя, Юрий Петрович, будет заказан, – любезно завершил разговор следователь.

Положив трубку, Гордеев задумался. Что-то его все-таки беспокоило. Ах ну да, конечно, беспокоила Екатерина Юрьевна, чей телефон – вот он, перед глазами. А что, подумалось Гордееву, если прямо сегодня же и позвонить? И напроситься в гости по той причине, что... ну что необходимо составить для себя максимально полный портрет ее мужа? Откажет? Вряд ли. А там, за разговором, что называется, глядишь, и...

Словом, сказано – сделано.

Екатерина Юрьевна спокойно выслушала предложение адвоката встретиться для выяснения и уточнения некоторых вопросов, касающихся дел мужа, и, не раздумывая, ответила, что подумает и сама назначит удобное время. Но сегодня она занята.

Гордеев чуть было не спросил: «Чем?» – но вовремя спохватился. Мало ли какие могут быть у красивой молодой учительницы проблемы! Нелюбезности, во всяком случае, он в ее голосе не услышал, и это уже само по себе было неплохо. Впрочем, время покажет.

Что оно покажет, как-то не думалось. Но зато появилась другая, и даже чуточку мстительная, идея. Вот бы «случайно» познакомить эту Катерину, не сейчас, конечно, а потом, уже после всего, что могло бы произойти между ним и Катей, с другом, Сашкой Турецким. Тот – большой знаток женщин именно такого плана. И любителем его назвать в этом смысле нельзя, только – профессионал. Но вот когда у него обломится, можно будет хорошо, от всей души посмеяться! Что «обломится» у него самого, Гордеев в настоящий момент даже и не мыслил – с какой это стати? Время... всему нужно только свое время... И умелый подход.

– Ах, как хороша баба, черт возьми! – с чувством воскликнул Юрий Петрович и вдруг увидел, как приоткрылась дверь и из-за занавески показалась крупная седая голова самого Генриха Афанасьевича Розанова.

– Это вы о ком, Юрочка, с таким неподдельным восторгом? – пророкотал басом этот «лев адвокатуры», управляющий юридической консультацией номер десять.

– Невольно вырвалось, Генрих Афанасьевич! – засмеялся Гордеев. – Клиентка была такая, что просто черт возьми! А дело – вонючее, с Лубянки. Ваш секретарь в курсе.

– Ну-ну, вам, Юрочка, не впервой... разгребать. А я шел мимо и услышал рев возбужденного, хм... Однако, думаю... Ваш ордер я, кстати, подписал, вы видели, так что и я в курсе.

– Да, спасибо.

– Ну-ну, удачи, Юрочка, – улыбнулся «лев».

Глава вторая

Серийный почерк

1

Андрей прятался за деревом. Для тех, кто мог его видеть, ничего необычного в его поведении не было – ну остановился человек, привалившись плечом к старой липе, и закурил. А что странного? Возвращался с работы, сошел с асфальтовой дорожки на травку, стал за дерево. Сейчас покурит и отправится дальше. Другое дело, если б днем было, когда тут народу много, а сейчас уже вечереет, и по дорожке этой ходят только те, кто в этом доме пятиэтажном живет. Фактически все свои, друг друга давно знают.

Но Андрей только вид делал, изображая притомившегося работягу, коих здесь, в подмосковных Мытищах, было не счесть, считай, каждый второй. На самом деле он старался глаз не спускать с автобусной остановки, в пятидесяти метрах отсюда, где с минуты на минуту должен был появиться его заклятый враг.

Звали этого врага Вадим Дорохов. Андрюха Злобин давно обозначил бывшего одноклассника в своей жизни как лютого недруга и, по существу, уже решил для себя его судьбу. Поэтому Андрей сейчас и не хотел, чтобы возвращавшийся с работы Вадим заметил его тут, в двух шагах от своего дома. Заметь его, Вадим мог не просто спросить, какого черта он тут ошивается, что ему надо, но еще добавить сгоряча так, что потом собственные зубы пришлось бы Андрюхе собирать на асфальте. Потому что и у Вадима была веская причина не терпеть рядом с собой присутствия бывшего школьного приятеля.

...Они учились в одном классе – Вадим и Андрей. Нельзя сказать, чтобы дружили, но и не ссорились особо. Хотя соперничали. А предметом их соперничества была тоже их одноклассница Лилька Воробьева, девочка скромная и симпатичная. Но Андрюхе не повезло, он и сам был пареньком скромным, даже невидным, носил очки, из одежды – дешевые джинсы да курточка, – мать поднимала его в одиночку. Вадим был другим – крепким, спортивным, рослым парнем, которым гордилась школа, поскольку тот постоянно добывал грамоты и кубки на различных спортивных соревнованиях. И родители денег на одежду для сына не жалели. Понятно, что Лиля больше тянулась к броской красоте, к раскованности, к физической силе, наконец, нежели к занудливым и неинтересным ухаживаниям классного «хорошиста».

И когда они благополучно закончили школу, между Лилей и Вадимом, у которого с институтом, несмотря на его спортивные заслуги, ничего не получилось, и он «загремел» в армию, была как бы установлена взаимная договоренность – она его терпеливо ждет, а он, возвратившись, женится на ней. Вот такая возникла банальная, сентиментальная история.

Андрей же никуда не «загремел», поскольку легко поступил на радиотехнический, с первого захода, и, уже будучи студентом, ревниво наблюдал той же осенью, как знакомые и соседи с хмельными песнями и плясками провожали своих военнообязанных чад на сборные пункты. И был среди отъезжающих Вадим Дорохов – он выделялся среди приятелей и своим ростом, и вообще внешним видом. Герой, ничего не скажешь. И Лиля с ним рядом была – красавица писаная, без всяких сомнений. Она поступила в медицинское училище и была счастлива оттого, что молода и любима, ну а недолгое расставание – оно только на пользу чувствам. Обычное наивное заблуждение молодости...

Время шло, Лиля все больше хорошела, взрослела, в ней наконец проявилась настоящая женственность, мимо которой иной раз просто невозможно пройти мимо, особенно когда-то

влюбленному молодому человеку. И Андрей, ни на что, в общем-то, не надеясь, решился попытать судьбу: а вдруг повезет? И, что самое удивительное, неожиданно повезло! То ли девушка уже притомилась в ожидании своего далекого жениха, который присылал ей редкие, не совсем грамотные в орфографическом отношении письма с Дальнего Востока, где он служил в десантных войсках, то ли захотелось каких-то новых впечатлений. А тут как раз подвернулся старый знакомый, влюбленный в нее когда-то Андрюшка, славный малый и к тому же студент серьезного московского института.

Как сразу отметила Лиля, чувства его к ней, оказывается, вовсе не угасли, но приобрели какую-то новую окраску – ухаживание его стало более взрослым, что ли, появилась непонятная значительность в поведении и речах. Когда-то ведь как было? Потискал девушку в темноте подъезда, поприжал ее и так, и эдак, пошарил руками, обмусолил ее губы своими – и оба довольны, испытали взаимную «любовь», насладились «запретной страстью». Но все это Лиля уже давно «прошла» с тем же Вадимом. А однажды, незадолго до его отъезда, хотя удовольствия получила и немного, точнее сказать, совсем не получила, позволила ему и гораздо большее, ибо не смогла противостоять его настойчивому желанию, сама же безотчетно верила его жарким словам и обещаниям и уверяла себя, что обожает своего избранника. А теперь время-то шло, нетерпение становилось порой просто невыносимым, подружки в медицинском училище расписывали про такое, отчего голова шла кругом, и молодое бунтующее тело требовало уже не книжных «страстей», а вполне конкретных и сильных физических ощущений. И получилось так, что Андрей подвернулся вовремя.

И словно вернулась их прежняя влюбленность. Веселые студенческие компании, гитара, легкое вино, выезды на природу с ночевками в палатках на берегу реки, ранние утренние купанья в чем мать родила и, наконец, то, без чего редко кончаются «завтраки на траве»... Все произошло именно так, как, видимо, и должно было случиться. Однажды под сенью леса они оказались прочно в объятиях друг друга и, опираясь на собственный, весьма еще тогда ограниченный опыт, смогли бурно и вдосталь насладиться всем, что подсказывала им необузданная фантазия. И они оба словно сорвались с резьбы – их взаимная страсть оказалась стремительной и бесшабашной. Словом, началось и... понеслось...

Мысли о Вадиме все же, видимо, где-то таились у девушки глубоко в душе, она чувствовала себя очень неловко перед далеким женихом, но просто уже физически ничего не могла с собой поделать – желание реальной и пряной любви оказалось сильнее любых укоров совести.

Почти постоянно теперь рядом с ней находился Андрей, оказавшийся не только веселым и приятным кавалером, но и замечательным, неутомимым и, главное, изобретательным любовником, с которым Лиля переживала такие сумасшедшие моменты экстаза, что все рассказы ее многоопытных подружек меркли перед этой новой для нее явью.

Андрей уже и сам стал привыкать к новому своему положению. Он даже намекнул как-то, расслабившись больше обычного, что был бы не прочь связать свою дальнейшую жизнь с красавицей медсестричкой. Вероятно, и мать его не возражала бы против такого брака – она любила сына и желала ему только счастья. Но для Лили этот вопрос неожиданно стал словно бы каким-то рубежом, камнем преткновения в их отношениях, через который она не пожелала переступить. А может, это Андрей был виноват в том, что своим предложением как бы напомнил ей о ее обещании, данном когда-то Вадиму. Короче говоря, на этом неудачном намеке их «отношения» и закончились. Не сразу, они еще встречались, виделись, перезванивались, но... Не было у нее больше прежней страсти, да и желания продолжать постельные упражнения, скорее всего, тоже.

Он поначалу старался не обращать внимания на такое охлаждение, полагал, что надо только немного переждать, Лиля просто устала от их сумасшедших оргий, но одумается, ведь он же не предложил ей ничего позорного, напротив! А она вон как отреагировала!..

Кончилась вся эта история тем, что временное охлаждение переросло в постоянное, и Лиля перестала отвечать даже на телефонные звонки. Видимо, немалую роль здесь сыграли и ее родители, которые хоть и относились к Андрею терпимо, в смысле молчаливо терпели, когда он приходил в гости к их дочери, и только тяжело вздыхали, когда он уводил ее, нервную, с горящими от нетерпения глазами, на какую-нибудь очередную вечеринку или в туристический поход с обязательной ночевкой. Но вот, видно, и их конкретное терпение истощилось полностью, на его звонки отец либо мать Лили отвечали недружелюбным тоном, что дочь занята лекциями и подойти к телефону не может.

Он пробовал ловить ее на улице, возле автобусной остановки, возле дома, но пару раз наткнулся на холодный и отчужденный взгляд. И за этой ее чуть презрительной усмешкой ему так и слышалось презрительное: «Ну что, мол, парень, ухитрился, попользовался чужим добром? Вот и благодари Бога, что так кончилось, не накликай на свою шею беду...»

А тут вскоре возвратился и Вадим.

Что ему донесли словоохотливые кумушки и соседи, Андрей не знал, но, встретив однажды Вадима, улыбнувшись ему по-дружески и протянув руку, он встретил ледяной, презрительный взгляд.

– Я не хочу тебя видеть у себя на дороге, это ты понял? – негромко, но с откровенной угрозой произнес Вадим, который, как показалось Андрею, еще больше подрос и раздался в плечах – истинный богатырь, да и только. – А если ты этого не понимаешь, мне придется тебе объяснить, понял? Но после этого ты будешь долго лечиться. Пошел вон с моих глаз!

И Андрей счел за лучшее «уйти с глаз».

О чем говорили Лиля с Вадимом, Андрей, естественно, не знал, он видел ее несколько раз, спешащую в свое медучилище, показалось, что у нее были заплаканные глаза, да и сама она держалась скованно, словно старалась быть незаметной. А потом мать, узнавшая новость от соседей, сообщила Андрею, что о бывшей своей невесте – она действительно считала, что Лиля согласилась выйти замуж за ее сына, но в последний момент, паршивка, передумала, – он может забыть. На днях у нее состоится свадьба с Вадимом. Поговаривают, что вроде бы у них скоро должен появиться и ребенок, и вот это обстоятельство как бы ускорило свадьбу.

Андрей ушам своим не поверил. Нет, он мог предполагать, что Вадим в конце концов добьется своего, но – ребенок?! Откуда, когда? Мелькнула мысль, уж не его ли это «подарок» Лиле? Но потом подумал, прикинул и понял, что не совсем сходилось по срокам.

Свадьбу отгуляли, Андрея на нее, естественно, никто не приглашал, да он и сам бы никогда не явился. После этого молодожены переехали в квартиру Вадимовых деда с бабушкой, которые жили здесь же, в Мытищах, но только на другом конце города, на Заводской улице, а старики перебрались на Рабочую, к родителям Вадима. С тех пор Андрей Лилю видел редко, при случайных встречах в небольшом городе.

И снова катилось неумолимое время. От собственной матери Андрей, который к тому времени закончил институт, получил диплом и даже устроился на приличную работу в крупную фирму по продаже и ремонту компьютерной техники, узнал, что в семье Дороховых растет девочка, что живут они хорошо, Лиля работает в городской клинике, а Вадим – мастером на телевизионном заводе. Ну живут – и пусть живут себе... Андрей даже удивился, что не ощутил в себе ни горечи, ни обиды, ни гнева на Вадьку. Никаких иных, кроме чисто плотских, воспоминаний не осталось у него и о Лиле, и он иной раз испытывал даже какое-то злорадство по отношению к бывшему товарищу: вот, мол, поживаешь ты себе преспокойненько и даже не представляешь, что я с твоей милой женушкой вытворял! Какие она фортели подо мной выкидывала! Какие кренделя вязала ногами! Как вопила от безудержной своей страсти! Вот так-то!

Эти воспоминания по большей части забавляли, но иногда, как оживающие видения, случалось, и здорово возбуждали, распаляли желание до такой степени, что Андрей торопливо и не очень разборчиво «кадрил» себе случайную подружку на фирме – для одноразовых забав,

вместе с которой и сбрасывал стресс, часто так грубо, что они обижались. О каких-то серьезных чувствах либо обязательствах перед этими девушками не могло идти и речи – после истории с Лилей у него не возникало желания обзаводиться семьей. Тридцать лет – самая жизнь! И незачем себе ее осложнять ненужными заботами.

Но, видимо, даже редкие воспоминания о Лиле, о жарких ночах с ней, о первом своем фактически сексуальном опыте, оказавшемся столь удачным, не прошли даром ни для самого Андрея, ни для той же Лили. Однажды, это было накануне того знаменитого «миллениума», который праздновал весь мир, она первая позвонила Андрею домой. Он уже оставил к этому времени фирму, на которой раньше работал, поняв для себя главное: работа должна не только соответствовать твоим интересам, но и, прежде всего, обеспечивать материально эти жизненные интересы. Последнего фирма предложить ему не могла – из-за многочисленных перестроек и бесчисленных реорганизаций она сама пришла в полное расстройство и дышала, как говорится, на ладан. Умные люди давно покинули ее стены. Андрей оказался в их числе и теперь трудился в частной «лавочке», занимавшейся фактически тем же самым – ремонтом электронной техники, но уже совсем за другие деньги.

Лилия как ни в чем не бывало и словно между ними не случилось некогда размолвки, спросила, как жизнь, с кем он живет, чем занимается? Видимо, его нейтральные ответы ее устроили, и она, как само собой разумеющееся, предложила встретиться.

Он удивился: неужели ее жизнь с Вадькой покатила под откос? Нет, пока еще нет, но... к сожалению, стали появляться сложности, в которых сама Лилия не могла разобраться. Вот она и решила, что Андрюша по старой памяти, может быть, сумеет оказать ей небольшую услугу.

Его посетило одно из тех «видений», которые, как было сказано, выводили его из душевного равновесия. Он сразу представил себе Лилию, уже новую, совсем зрелую в женской своей стати, и подумал, что было бы, наверное, очень неплохо повторить что-нибудь из давно пройденного, но не забытого ими обоими материала.

Ее история, которую она торопливо попыталась изложить по телефону, оказалась банальной до оскомины. Вадим начал попивать. А потому позже стал являться домой, да под хмельком. И вообще у нее появились подозрения, что у него завелась сторонняя связь, он меньше стал уделять внимание ей как своей жене.

Ну да, тут же вспомнил Андрей, уж Лилия никогда своего не упустит, он-то помнил, как она в буквальном смысле изматывала его, измочаливала всего, добиваясь какого-то ей одной ведомого наслаждения. А что, может, самое время напомнить ей об этом? И он шутливо заметил ей, что так и не забыл их бурных ночей, когда она... когда он... словом, когда они отрывались, как говорится, до полной потери пульса. Кажется, он отчасти угадал Лилино настроение.

Она, во-первых, не возмутилась малопристойному намеку, а во-вторых, низким своим, потрясающим, грудным голосом «промурлыкала», что и сама иногда с тайной душевной тоской кое-что вспоминает из их обоюдного прошлого. В общем, предложила она уже решительно, надо немедленно найти возможность встретиться. И, как раньше, без посторонних. Это существенное дополнение подсказало Андрею, что дело и вовсе на мази.

Он отправил мать к ее сестре, жившей на соседней улице, и встреча с бывшей любовницей оказалась у него вполне достойной тех знойных воспоминаний, которые его толкали потом на всякого рода безумства.

Лилия действительно соскучилась по прошлой своей замечательной разнузданности, которую ей, оказывается, приходилось усиленно сдерживать в себе с «положительным» во всех отношениях мужем, чтобы не быть им уличенной в «жуткой распушенности». Она только спросила, когда придет его мама, а узнав, что сегодня они одни, безудержно захохотала, сверкая глазами, от возможности быть сейчас наедине с Андреем самой собой, не стесняться в выражениях и позволять себе все, что душе угодно. Будто их прежнее счастливое время неожиданно вернулось!

И она принялась ловко и торопливо раздеваться, рассказывая при этом свою далеко не целомудренную исповедь о Вадиме, который, на свою беду, оказался почему-то очень щепетильным в постельных делах – вот уж она никогда б не подумала! Ведь спортсмен! Да еще армия, где все до баб – как волки голодные!

– Ну скажи, чего ему не хватало? – надрывно вопрошала она Андрея, демонстрируя свое действительно великолепное тело и сумбурно помогая ему также избавиться от одежды. – Вот ты бы сбежал от меня? Такой, как я сейчас есть?

Андрей бы, возможно, и не сбежал, но в свою очередь понял, что в Лилиной семье что-то все же случилось, о чем она даже не догадывалась. Короче, Вадим как-то постепенно, без объяснимых причин, стал определенно охладевать к ней. И в постели вел себя так, будто всякий раз возвращался оттуда, где только что получил всего в достатке, оставляя жаждущей его страстной любви жене лишь жалкие крохи как бы вынужденных подачек.

– Ну что я могу тебе объяснить? – жаловалась уже окончательно распаленная желанием Лиля, со стонущим придыханием притискивая к своему сильному и горячему обнаженному телу цыплячью, тщедушную грудь Андрея. – Явится, понимаешь, за полночь, навалится, как медведь, вдует, словно плюнет, прости, Господи, и захрапит, отвернувшись. А от него так и несет... так и несет...

И она, вся до кончиков пальцев дрожа то ли от негодования, то ли от жадного нетерпения, без всякого удержу принялась доказывать Андрею, что уж ему-то она сейчас просто так «вдуть» себе не позволит, она из него прежде сама все соки выжмет.

С ней творилось что-то совершенно невероятное. Сдавливая его, будто тисками, тугими своими ногами, царапая ногтями до крови спину и бешено колотя его пятками, Лиля в буквальном смысле сатанела на глазах, даже и не пытаясь сдерживать своих эмоций, и билась под ним, орала так, будто ее резали по живому телу. Дорвалась, что ли? Давно настоящего секса, что ли, не имела?

И он самодовольно ухмылялся, охотно отдаваясь в ее власть, и злорадно тешил себя зримой картинкой того, как выглядело бы сейчас лицо Вадима, доведись тому воочию узреть первобытные страсти в блистательном исполнении его собственной дорогой женушки. Значит, так ему и надо, он этого сам заслужил!

Зато когда мокрая, словно из парилки, Лиля, задыхаясь, отпала наконец и непослушными руками попыталась отодвинуть, отпихнуть Андрея от себя, он, по-настоящему вошедший в раж, вернул инициативу себе, решив воспользоваться своей удачей до конца – продолжил сумасшедшую скачку, больше теперь уже напоминавшую изощренное истязание. Да и Лилечке будет очень полезно потом, наедине с собой, вспомнить и подумать, от чего она в свое время так неблагоприятно отказалась.

Насытившись и окончательно устав, они перешли к делу.

Суть его была проста. Лиле было нужно, чтобы Андрей проследил, куда и к кому ходит Вадим. Ей необходимы были доказательства его реальной супружеской измены. Для чего? Это другой вопрос, который сейчас не обсуждается. Но дело в том, что больше просить ей, собственно, некого, Андрей – единственный человек, которому она могла бы полностью довериться. И она еще раз подчеркнула это слово – «полностью», чтобы он это понял...

Служкой Андрей Злобин еще никогда не занимался, и предложение показалось ему забавным. На шуточный вопрос, что он будет иметь за это, она, ни капельки не сомневаясь в собственной неотразимости, тут же наглядно, с новой охотой, продемонстрировала ему, на что еще могут распространяться его желания. Своими фантазиями она ничуть не уступала ему.

Да, вынужден был согласиться Андрей, если так будет продолжаться, игра действительно стоит свеч. Эта зрелая женщина со средним медицинским образованием на самом деле владела не только многими тайнами своей гуманной профессии, но, что гораздо важнее, она в совершенстве обладала потрясающим, волшебным знанием великого женского ремесла.

В тот вечер он нарочно долго не отпускал ее, с силой и с привычной уже грубостью возвращая в исходное положение. Лиля даже начала нервничать, что опоздает к приходу мужа. Она уже и слезу раскаяния пустила, но Андрей был неумолим и добился-таки того, что теперь уже сам, на полную катушку, реализовал свое слишком явное преимущество перед Лилиным супругом. И это была его месть Вадиму – безумно сладостная, хотя и довольно жестокая. Это, возможно, ощутила на самой себе, в конце концов, и Лиля, потому что, с немалым трудом вырвавшись наконец из хватких и бесцеремонных объятий бывшего друга, стала торопливо натягивать на себя разбросанное по комнате белье, пряча от него глаза и словно сожалея уже о собственной простодушной доверчивости.

А он смотрел на нее каким-то новым, будто испытующим, холодным взглядом, как на использованный предмет, и думал, что так оно будет правильно, пусть она не забывает, кто в доме настоящий хозяин. И в голове его рождались совершенно неожиданные и причудливые фантазии...

Он быстро освоил основные правила слежки. И так же скоро выяснил, что никакой изменой поведение Вадима даже не пахнет. Похоже было, что женщины, как таковые, его вообще мало интересовали. Злобин даже подумал, что, может быть, есть в том отчасти и его, Андрея, вина. Кто, если уж говорить по правде, сделал Лилю шальной бабой, помешанной на сексе? Кто по-своему развратил ее? Только ли всякие компании и пресловутая медицина? Ну да, как же! Вот и получилось, что уехал Вадик от смирной, почти невинной девочки, а, вернувшись, упал прямо в широко раскрытые объятия сексуально озабоченной стервы. И какие мысли у него в этой связи должны были возникнуть? Короче, понятно, почему он, наслушавшись от соседей всяких сплетен, так грубо встретил бывшего приятеля. Сам виноват. За собой Андрей Злобин никакой вины не чувствовал, он считал, что все делал правильно.

Но результаты своей слежки он Лиле доложил при первом же удобном случае. Она, разумеется, не поверила, но, так как и он, в свою очередь, не потребовал сразу «оплаты» с нее за проделанную работу, как-то сразу и слишком легко успокоилась. И они разошлись мирно, пожелав друг другу удачи.

Это она ушла успокоенная, но не он. Ему вдруг показалось, что он опять, в который уже раз, проиграл. Вот ведь как – и прав, а в чистом проигрыше! Они-то теперь в порядке, им, в общем, наплевать на него, а он – будто милостыню получил. Мол, дали тебе, ну и заткнись и больше не надейся.

Но одно дело, если бы он сам отказался, тогда все правильно, а так выходило, что отказали именно ему. И кто? Лилька, которая... да, мать ее, как же так?! Это ж она, если судить по большому счету, в буквальном смысле употребила его, Андрея, а потом небрежно помахала ручкой и пожелала удачи? Ни хрена себе...

Андрей почувствовал, что в нем начинает теперь уже по-настоящему закипать гнев против этого проклятого Вадима, у которого в семье – полный бардак, а ему тем не менее везет куда больше, чем кому-либо другому. В то время как он, Андрей Злобин, у которого вообще нет проблем, ощущает себя так, будто оказался, грубо говоря, в глубокой заднице. Но даже если он захочет как-то восстановить по отношению к себе справедливость и попробует сейчас «прижать» Лилю, силой, угрозой, уговорами, чем угодно заставляя ее снова отдаться ему, когда бы ему того ни захотелось, такое у него вряд ли получится. А если он решится шантажировать либо попытается публично уличить ее в многочисленных и непристойных изменах мужу, то ее великолепное презрительное равнодушие без всяких слов докажет окружающим, что все его обвинения – не более чем нелепые и болезненные фантазии. В худшем случае они будут восприняты как злостная клевета. И даже если он с пеной у рта кинется доказывать, что между ними все уже было – «Слышите, было такое, что вам и не снилось!» – то ему все равно никто не поверит. Но морду набьют обязательно.

«Да она же просто презирает меня! – сообразил он неожиданно. – Использовала, как жеребца для утоления своих буйных фантазий, и все!» Мысль была просто убийственной, безумно унижительной. Но виновником собственного смятения он считал в первую очередь Вадима, это из-за него все! Значит, чтобы повернуть жизнь к себе той стороной, которую он хотел бы видеть, чтобы раз и навсегда доказать Лиле, что это не она его, а только он может употреблять ее, чтобы отшвырнуть в конечном счете как ненужную тряпку, требовалось сперва избавиться от препятствия, стоящего между ними. Которое, как он понимал, не было таким уж и непреодолимым. Необходима была лишь определенная решительность и... отчасти везение.

И вот тут он вдруг почувствовал, как в нем, словно протест против оскорбительной несправедливости Лили по отношению к нему, Андрею Злобину, зарождается – смутно еще, неопределенно – совершенно новый замысел. И сам он в этом замысле будет призван сыграть центральную роль. Такую роль, от которой может содрогнуться все вокруг. Мысли были еще нечеткими, но их теперь следовало хорошо обдумать... А возможно, не только обдумать, но и попробовать собрать свои опыты, свои знания воедино и затем воплотить мелькнувшую было идею в жизнь. Чтобы действительно вздрогнули... Чтоб навсегда запомнили, кто в доме хозяин...

Злобин выглянул из-за дерева – народ шел понемногу, но рослого человека, похожего на Вадима, среди прохожих не было. Вадим, видно, так и не появится. А может, мелькнула мысль, он уже давно дома? Однако как это проверить? Звонить к ним в квартиру он бы не стал ни за что. А так, отсюда? Он обернулся, посмотрел на окна – они были темными, да в них уже больше часа, пока он стоял здесь, никто света не зажигал. Значит, их вообще нет дома? Так какого же черта он стоит тут?! Чего ожидает?..

И он, загасив очередной, неизвестно какой по счету окурок, плюнул и отправился к автобусной остановке, аккуратно придерживая рукой тяжелый сверток в кармане. Решил прийти сюда завтра, в это же время, когда стемнеет.

Но, не доходя до автобусной остановки, остановился. Снова оглянулся на проклятый дом, будто это он был в чем-то виноват. А может, они просто давно спать легли? Рано вроде, хотя черт ее, эту Лильку, знает...

И пока он так стоял, оглядываясь, подошел еще один автобус. Чисто машинально Злобин отступил с дорожки в сторону, в темноту ближайшего дерева.

Последним из автобуса вышел высокий парень. Немногие пассажиры отправились в сторону светящегося на углу магазина, а этот достал сигареты, закурил и медленно пошел по асфальтовой дорожке. И это был точно – Вадим, уже не мог спутать его с кем-нибудь другим Андрей Злобин. Он интуитивно это чувствовал.

Андрей быстрым шагом, почти бегом, перескакивая от дерева к дереву, кинулся обратно, к дому, стараясь не появляться на открытом пространстве. От угла дома проскользнул к первому подъезду почти впритирку к стене.

Он все время зорко оглядывался, но люди на глаза не попадались, да и свет под козырьком подъезда был такой слабый, что его будто вообще не было.

Быстро и осторожно достал он из кармана свой тяжелый сверток, развернул газету, торопливо посветив себе огоньком зажигалки, установил на маленьком часовом диске интервал в три минуты – этого времени будет вполне достаточно, чтобы человек медленным шагом дошел до подъезда и открыл дверь. Затем он аккуратно включил отсчет времени, оставил сверток прямо за дверью и быстро покинул подъезд.

Снова метнулся за угол, где росли кусты, выглянул из-за них и увидел медленно приближающегося высокого парня.

Все, теперь, когда дело сделано, ни на какие сожаления времени уже не осталось. Пригибаясь за кустами, Андрей пробежал вдоль торца дома и, завернув за угол, наискосок вышел

к уличному тротуару. Здесь он снова остановился, достал сигареты, зажигалку и стал напряженно слушать.

Время тянулось безумно медленно. Казалось, не три минуты прошло, а как минимум полчаса.

Грохнуло, когда он уже и ждать устал. Основательно там, видно, громыхнуло, дом, конечно, не мог от столь малого заряда завалиться, но дверь из подъезда наверняка вынесло, да и там, внутри, хорошо покрошило.

Еще через минуту послышались истошные крики. Но он уже не слушал их, он спокойно уходил по тротуару, небрежно вертя в пальцах зажженную сигарету.

Завтра... обо всем ему станет известно завтра...

2

Взрыв в обычном жилом пятиэтажном доме на Заводской улице в Мытищах, в котором никогда не проживали ни крутые бизнесмены, ни известные члены организованных преступных группировок, ни даже приезжие из северокавказских либо среднеазиатских республик, где отродясь селились простые рабочие семьи, сам по себе был явлением необычным и в высшей степени непонятным. Никаких мотивов для террористического акта не просматривалось. И милиция терялась в догадках. Кто, зачем, почему, с какой целью? И ни на один вопрос не было хотя бы приемлемого ответа.

Очень странный взрыв обсуждали в городе. Грешили уже и на бомжей, которые могли принести со свалок, где они ошивались в поисках ежедневной добычи, какую-нибудь случайную взрывчатку – снаряд или неразорвавшуюся мину, для продажи, естественно. То же самое говорили и о мальчишках, для которых все, что горит и взрывается, нынче своеобразная романтика. Но и те и другие категорически отрицали свою вину. Так кому же понадобился этот странный взрыв? Кого им напугать хотели? И напугать ли?

Эти разговоры слышал, естественно, и Андрей Злобин. Слушал и посмеивался про себя...

Не получилось то, чего он хотел. То ли мощность заряда оказалась слабоватой, и подъезду действительно, кроме выбитой двери да искореженных лестничных перил, никакого более чувствительного урона не нанесло, то ли время не сумел рассчитать точно, но взрыв даже близко не задел намеченную жертву.

Потом уже рассуждали соседи на Рабочей улице, где жили родители Дороховых, а мать Андрея услышала и передала все это сыну. Вадим якобы рассказывал примчавшимся на этот теракт милиционерам, что, когда он подходил к подъезду, у него будто екнуло в животе, а что конкретно, он так и не понял, потому что остановился, живот свой вот так рукой потер, и тут ка-ак сразу рванет! Дверь наружу так и вынесло. Он, когда уже пришел в себя, заглянул в темную дыру подъезда и увидел, что перила лестничного пролета покорежены и свисают вниз перекрученным пучком железа, и сам пролет покосился. Короче, окажись он в тот момент на лестнице, его бы точно убило. Но тут соседка с нижнего этажа, из второй квартиры, выскочила – кругом сплошной туман и жуткая кислая вонь, – она же с перепугу ка-ак заорет! Так на этот ее крик вся мытищинская милиция вмиг сбежалась, вместе с пожарными и «скорой помощью», которую, к счастью, оказывать было некому. Такая вот странная история...

На месте, говорили, работала оперативно-следственная группа, чего-то там искала, всех соседей опрашивала, проверяла всех, без исключения, жильцов дома в поисках мотивов убийства, прикидывали, против кого конкретно могла бы обернуться эта непонятная месть, но и таковых не находилось. И поговаривали, что вроде бы общее мнение городского и милицейского руководства сошлось на том, что этот необъяснимый логикой взрыв, скорее всего, дело рук местных скинхедов. Этих бритоголовых, наглых парней с татуировками на руках и пред-

плечьях, в кожаных портках, сапогах и куртках с цепями в последнее время развелось в Мытищах немало. Но они, как правило, здесь, где жили, вели себя умеренно, пролития крови не допускали, массовых драк на дискотеках – тоже. Ну гоняли время от времени приезжих с Кавказа и из Средней Азии на рынках, а так безобразничали несильно. Рассказывали, что они для больших операций куда-то уезжают, в ту же Москву или в соседние Люберцы, известные и своими «молодцами», где действуют уже как на неприятельской территории. Но там им тоже редко позволяют развернуться, гоняют с милицией. Поэтому, мол, от этих безбашенных мальчишек, слишком рано осознавших свою «взрослость», можно ожидать чего угодно.

Однако никаких «следов» скинхедов на этот раз не обнаружили. Допросили нескольких человек, из тех, что верховодили и были на заметке у милиции, но те категорически отрицали всякую свою причастность, приводя неоспоримые алиби. Короче говоря, дело окончательно зависло в милиции по причине отсутствия каких-либо вещественных доказательств и конкретных улик, а также непосредственных свидетелей происшествия. Не любят ни милиция, ни прокуратура такие дела, а что поделаешь, «висяками» их называют, «глухарями», которые им всю отчетность портят.

Единственное, что нашли на месте взрыва, были части самодельного взрывного устройства – остатки электрических пальчиковых батареек, кусок часового циферблата и деталь от коробки, в которой находился детонатор, взорвавший заряд гексогена. Вот этот последний факт указывал, по мнению правоохранительных органов, на то, что теракт вполне могли совершить и чеченцы – кому ж еще, как не им, с гексогеном-то и возиться? Но чего боевики и ваххабиты потеряли в обычном рабочем заводском доме? Просто припугнуть население хотели? И это после страшных взрывов домов на Каширке и на улице Гурьянова в Москве? Но ведь там же другое дело! Там – огромное количество жертв, там не просто акт устрашения. Там, в конце концов, грязная политика!

Все могло быть и тут, в Мытищах, но что-то не сходилось...

Андрей Злобин отнесся к своей первой неудаче спокойно. А вот разговоры о скинхедах его, с одной стороны, позабавили, а с другой – заставили невольно задуматься. Была тут реальная мысль, которой не грех и воспользоваться...

Дело в том, что недавно, по дороге на работу в Москву, Злобин встретился случайно в электричке со своим тоже прежним школьным приятелем, с которым давно не виделся. Они с Олегом Базановым учились в параллельных классах, особо не дружили, общались редко. А тут узнали друг друга и даже обрадовались.

– Химик, привет! – Олег вспомнил школьное прозвище Андрея, которого звали так за его особое пристрастие к этому предмету и постоянные победы на школьных химических олимпиадах.

Олег выглядел эффектно. Крупный, бритый наголо, в кожаном костюме с многочисленными блестящими заклепками и тяжелых десантных башмаках-«берцах», с наколками на предплечьях, изображавших что-то мистическое и японское, он вел себя независимо и свободно. Громко говорил, с покровительственной насмешливостью наблюдал, как терялись под его прямым, «стальным» взглядом представители национальных меньшинств, на которых он действовал, словно орел на стаю пугливых куропаток. Андрею было интересно наблюдать такую реакцию и одновременно чувствовать на себе как бы покровительственную защиту Олега.

Они вышли в тамбур покурить, и там Андрей увидел еще двоих, совсем уже молодых парней, мальчишек, внешне старательно как бы подражавших старшему товарищу. А может, и командиру? Кто их знает. На шуточный вопрос, что это за ребята, Олег с гордостью за подрастающее поколение ответил, что это их молодая смена, которой скоро предстоят великие дела. Не все же «чернозадым» доить многострадальную родину-матушку, придет момент и

ее освобождения. И сказано это было уверенно и даже с определенным вызовом, после чего посторонние, стоявшие в тамбуре, предпочли втиснуться в переполненный вагон.

Невольно вспомнили они и о недавнем взрыве на Заводской улице, про который Олег с непонятной гордостью сказал, что его уже вызывали и допрашивали, но ни он, ни его пацаны к этой акции отношения не имели. Но акцию организовали наверняка «черные», которые скоро за все ответят. И угроза показалась Андрею не пустой фразой.

Да, их тут боялись, раньше Андрей как-то не обращал внимания на это обстоятельство. Наверное, потому, что пользовался электричкой в Москву и обратно, в Мытищи, лишь ранним утром, когда ехал на работу, и поздно вечером, возвращаясь домой. А тут вроде бы выбился из своего графика и вот встретился с бритыми.

Слушая их разговоры, полные недомолвок, Андрей улыбался про себя. Он мог бы, конечно, сознаться в том, кто автор взрыва, но – зачем? Понадобятся объяснения причин, а сводить акцию к оправданию своей ненависти к чужому мужу было как-то мелко, несерьезно. И он оставил свое признание до лучших времен, которые, он уже видел, могли скоро начаться.

Оказалось, что Олег работал по соседству с Андреем, в электромеханическом цехе Казанского вокзала, а офис Злобина располагался всего в двух шагах, на Новорязанской улице.

Расставшись, они договорились встретиться снова, уже дома, и посидеть за пивком, вспомнить прошлое, поговорить о перспективах, тем более что в связи с этой неожиданной встречей у Андрея возникли некоторые интересные мысли.

Они и встретились в ближайшее воскресенье, и вот тут Андрей, может, под влиянием большого количества выпитого пива, сознался наконец новому близкому товарищу, к которому почему-то испытывал в настоящий момент полное доверие, в своем «авторстве». Олег искренне удивился. Но потом задумался и сказал, что такой человек, как Андрюха Злобин, может оказаться настоящим кладом для его движения.

Электромеханик со стажем и опытный электронщик быстро нашли общий язык. Да и потом, одно дело – заниматься в одиночку поиском того же гексогена, который, как известно, на земле не валяется, точно так же, как и взрыватели-детонаторы, а совсем другое, когда к делу могут быть приобщены мальчишки, у которых в школьных химических кабинетах полно всяких нужных химреактивов. Кому что, а им-то – романтика!

И полигон для испытаний нашелся так же быстро. Олег, будучи человеком решительным и твердым, предложил совместить, так сказать, «научный поиск» с «социальными потребностями» скинхедского движения. Не выпячивая, естественно, своей роли, но и не умаляя ее, когда надо сказать свое твердое слово.

Вторую свою бомбу Андрей создал довольно скоро, на основе тех же деталей, что и в первый раз. А проверить ее действие решили в кафе возле станции Тайнинская, которое называлось причудливо: «Бакинский люля-кебаб» и принадлежало немолодому уже, семейному азербайджанцу Чингизу Гуссейн-оглы, снимавшему жилье у одинокой старушки неподалеку от своего заведения.

Эффект превзошел все ожидания экспериментаторов. Составленное из щитовых стен, кафе рухнуло, сложившись, словно карточный домик. Вспыхнувший пожар доделал свое черное дело. Сооружение сгорело дотла.

При взрыве пострадали две женщины, уборщица в кафе и буфетчица, их задело падающей крышей. Но обе отделались только сотрясениями и многочисленными ссадинами на теле.

Скины, не афишируя этого своего «подвига», праздновали победу. Воодушевленные, они отправились в соседние Люберцы и устроили там хорошую драчку со своими давними и непримиримыми врагами. А возвратились с заведенными против них несколькими уголовными делами по статье за хулиганство и жадой новых подвигов.

Уничтожение торговой точки азербайджанца «повесили» на конкурентов. Этот Гуссейн-оглы, как уже доносила в местный райотдел милицейская агентура, испытывал давление

со стороны чеченцев, обосновавшихся в Мытищах и требовавших, чтобы тот передал им свою торговлю на вполне щадящих, казалось бы, условиях. Чингиз, видимо понадеявшись на собственные силы и свои связи в диаспоре, отказался, и вот результат. Но допрошенные чеченцы сумели оправдаться и убедить милицейское начальство, что ни сном ни духом не собирались обижать своего почти земляка, что это все – наветы армян, которые давно уже мечтают прибрать к своим рукам всю торговлю в районе. В конечном счете работавшая на месте происшествия комиссия пожарной инспекции пришла к выводу, что возгорание, приведшее к столь печальным последствиям, произошло по причине короткого замыкания в электропроводке и виноват в нем сам бывший хозяин, которого уже не раз, оказывается, официально предупреждали, что у него непорядок с использованием электроэнергии. Раньше отделялись замечаниями и незначительными штрафами, и вот грянула беда.

А что на пепелище были обнаружены остатки самодельного взрывного устройства, так на это обстоятельство просто как-то не обратили внимания. Эксперты-взрывотехники увезли находку к себе в лабораторию и забыли, видно, про нее, поскольку никто не требовал отчета.

И это уголовное дело повисло ввиду отсутствия конкретных лиц, которым можно было бы выдвинуть обвинение.

3

Андрей Злобин воспрянул духом. Он очень скоро почувствовал хмельной вкус своей силы, который появляется, когда ты познаешь в себе вполне реальное ощущение собственной власти над людьми, над этой мельтешащей толпой, ни на что не способной, даже убить себе подобного. Чувство это было поистине восхитительным для него, привыкшего стискивать многие прежние желания в кулаке, не давать воли своим эмоциям и мечтам. Вот разве что с Лилькой и мог он почувствовать себя настоящим, могучим мужчиной, которому дозволено все, но даже и она ухитрилась каким-то образом растравить в нем это проклятое ощущение непонятной своей ущербности, которую он в себе тщательно скрывал. И, конечно, потому бывал так груб со случайными женщинами, с которыми после первой же ночи даже и не пытался встречаться вновь. А Лилька что – она его просто использовала в своих целях. Пришла ей такая фантазия – запросто явилась и устроила сумасшедшую оргию, не захотела больше – послала его подальше, что, собственно, происходило и раньше в их жизни, до ее замужества. Она им командовала. Но отныне диктовать будет только он. И к первому своему решительному шагу, который мог бы продемонстрировать его самоутверждение в ее глазах, он был, по существу, морально готов. Оставались детали.

Он придумал новый, блистательный, с его точки зрения, вариант. А техническое, так сказать, обеспечение взял на себя Олег Базанов. Со своими связями среди бритоголовых, да и не только среди них, были у него знакомые и посерьезнее, он мог обеспечить «химика» любыми, необходимыми тому, взрывчатыми веществами, а также другими компонентами будущих опасных изделий, вмонтированных в обыкновенные телефонные трубки «мобильников»...

И вот некоторое время спустя эти почти одинаковые трубки сотовых телефонов были обнаружены случайными прохожими, но только в разных местах.

Первый кем-то утерянный «мобильник» поднял с земли недавно переехавший на жительство в Люберцы из страны ближнего зарубежья, то есть, можно сказать, еще даже и не официальный житель Подмосковья, Гоги Чангурия. Он держал возле рынка собственный автосервис, но поговаривали, что активно торговал ворованными машинами-иномарками, у которых в своей же мастерской его слесари-механики ловко перебивали номера на движках и кузовах салонов автомобилей, а также перекрашивали их в любой цвет, который хотел бы видеть потенциальный покупатель.

Гоги был не особо в ладах с тонкой электронной техникой – его «коньком» являлся крутой автомобильный бизнес, а для всякой техники у него имелись соответствующие работники. Вот он и принес почти новый, ладный такой на внешний вид сотовый телефонный аппарат к себе в мастерскую, подозвал одного из мастеров, трудившегося над двигателем нового «мерседеса», который готовили для очередного покупателя, и велел тому посмотреть, годится ли на что-нибудь эта находка. Может быть, ее выбросить, а может быть, что-нибудь заменить внутри, и тогда телефон будет работать?

Мастер осмотрел аппарат со всех сторон, прикинул на вес, который показался ему почему-то подозрительным, может, слишком тяжелым для такого небольшого изделия, а потом, как это и положено, включил телефон, чтобы проверить, работает ли аппарат вообще. Но этого ни он, ни его хозяин никогда уже не узнали.

Сильный взрыв потряс помещение. Мастер с обеими оторванными руками скончался на месте. Хозяин же, сам «толстый Гоги», был отброшен взрывной волной на стоящий в углу мастерской токарный станок, от удара о который он и разбил себе голову. Ему врачи тоже не потребовались.

Один из парней Базанова, «случайно» оказавшийся рядом с происшествием, потом доложил, что акция прошла без сучка без задоринки.

Прибывшие «скорая», а затем и милиция смогли лишь констатировать факты смерти двоих человек. Трупы увезли, а вот происходящим в мастерской милиция немедленно заинтересовалась, причем всерьез. И подвигло оперативников на этот шаг еще и известие о том, что пострадавший при взрыве «мерседес», работа с которым в этой мастерской была не закончена, находился в розыске.

Но это уже другая тема. А вот по поводу взрыва телефонной трубки, о чем в один голос сообщили просто чудом не пострадавшие свидетели, те же механики из мастерской, было заведено уголовное дело. Подобных случаев здесь, в Люберцах, еще не было, ни о чем таком никто не слышал. Милиция была озабочена. Сам по себе факт размещения мощного заряда взрывчатого вещества в корпусе обычной телефонной трубки, казавшийся до сих пор вымыслом досужих писателей, авторов детективных романов, был налицо. И эксперт-взрывотехник особо отметил в акте своей экспертизы необычность, даже оригинальность конструкции...

Почти такая же, или близкая, ситуация сложилась и в Москве, на Новом Арбате, где, аналогичную люберецкой, телефонную трубку «мобильника» среди бела дня поднял бомж, который собирал в урнах у входов в многочисленные магазины пустые бутылки и алюминиевые банки из-под разных шипучих напитков. Трубка валялась на тротуаре, возле переполненной урны, будто кто-то нарочно выбросил ее за ненадобностью.

Рвануло так, что полностью осыпалось огромное витринное стекло. От порезов осколками и удара взрывной волны пострадали несколько прохожих. Бомжа растерзало до такой степени, что, когда в морге попытались произвести хотя бы частичное опознание трупа, сделать это можно было лишь по фрагментам тела и одежды, указывавших на то, что погибшим был мужчина средних лет.

Два последних взрыва, в Люберцах и в Москве – это стало ясно после производства экспертиз, – имели общее происхождение. На это указывали как особенности конструкции взрывного устройства, так и явная «безадресность» направленности взрыва. Казалось, кто-то просто примеряется, проводит первые свои опыты, может быть, даже на случайных прохожих, прежде чем приступить к уже по-настоящему громким террористическим акциям.

Да и «почерк», что отметили особо, был единым. В пустой корпус «мобильника» помещалось сильное взрывчатое вещество, в данном случае это был гексоген, вместе с детонатором-взрывателем, который приводился в действие нажатием любой кнопки на корпусе телефонной трубки. Ничего подобного в московской практике до сих пор не встречалось. Единственным спасением для прохожих в подобных ситуациях могло быть только одно – не

трогать руками, не прикасаться к якобы утерянному телефону, валяющемуся на земле. Но нынче, в условиях всеобщей телефонизации, сделать это практически невозможно. Меньше чем за какой-то десяток прошедших лет «мобильник» стал таким же привычным предметом повседневного быта, что на его присутствие люди уже перестали обращать внимание. Как всякая необходимость, он всегда под рукой, и если его кто-то обронил, потерял или попросту выбросил, то всегда найдется рука, которая немедленно его поднимет.

По факту этих взрывов, повлекших за собой человеческие жертвы, были возбуждены уголовные дела в Люберецкой городской прокуратуре и Тверской межрайонной прокуратуре города Москвы.

Первые, на кого падало подозрение в совершении терактов, были, уже по определению, чеченские боевики, которые на своих сайтах в Интернете постоянно «предупреждали» о том, что будут продолжать кровавые акции до тех пор, пока... Ну а далее перечислялись условия, не приемлемые никакой реальной властью. То есть здесь был как бы заколдованный круг, выхода из которого не находила нормальная человеческая логика.

Но, с другой стороны, сама по себе форма произведенных якобы терактов никак не подходила под обычный почерк боевиков. Присутствовал здесь какой-то навязчивый, что ли, элемент случайности. Кто-то где-то нашел, принес, взорвался. Словно сама акция и была рассчитана на чистую случайность – все равно абы кто, но пострадал, и неважно – мужчина, женщина, ребенок... Так, значит, все же не чеченцы?

В поисках подобных преступлений, вспомнили и об относительно недавнем взрыве на станции Тайнинская, где сработал заряд гексогена, аналогичного тому, следы которого были обнаружены и в обеих телефонных трубках. И так же, по близкой аналогии, то есть своей «безадресности», всплыл и взрыв в жилом доме в Мытищах, где только по счастливой случайности никто не пострадал. И там тоже использовался гексоген. Правда, в двух последних, а правильнее сказать, в двух первых случаях применялись не телефонные трубки, а самодельные бомбы в похожих металлических ящичках, и взрывы производились с помощью таймеров, для чего использовались обычные бытовые электрические будильники «Маяк».

География проведения этих странных терактов указывала на то, что исполнителя следовало искать где-то в середине этого довольно обширного района.

Милиция с новой силой напрягла свою агентуру. И вскоре появились первые сообщения. Из них можно было сделать предварительные выводы о том, что к взрывам могут быть причастны так называемые «бритоголовые», которые называют себя скинхедами – по западному образцу. А на самом деле это молодые подмосковные отморозки, объединяющиеся в стаи и устраивающие время от времени жестокие драки, в том числе и с иностранными студентами, и с приезжими в столицу из бывших советских окраин, а теперь ближнего зарубежья. Не говоря уже о массах китайцев, вьетнамцев, по большей части проживающих в столичном регионе нелегально. И этими парнями явно руководят те, кто имеет на них определенное влияние, потому что в некоторых, как бы внешне непредсказуемых, действиях этих фашиствующих молодчиков можно при определенном желании, что, правда, тоже далеко не всегда посещает умные головы доблестных правоохранителей, обнаружить довольно-таки четкую логику.

В одном из сообщений будто бы промелькнул какой-то «химик», который якобы сотрудничал со скинами, но ничего конкретного, никаких наводок по этому факту и у самих оперативников, работающих «на земле», не имелось, и вопрос заглох...

А между тем в голове Злобина уже вовсю бродили новые идеи. Всячески поощряемый, поддерживаемый и подбадриваемый своим новым другом Олегом Базановым, который увидел в Андрее поистине «золотую жилу» для воплощения своих замыслов, он целиком отдался, как оказалось, любимому делу – изобретательству. Да и Олег, видя, что ежедневная и довольно-таки напряженная работа Андрея в «частной лавочке» на Новорязанской улице отнимает у того

массу драгоценного времени, которое могло бы быть, опять же с точки зрения Базанова, потрачено куда более целесообразно, уговорил его оставить свою «контору» и перейти на службу в электромеханический цех, где они были бы фактически рядом и всегда могли выручить друг друга. Андрей подумал, согласился и не пожалел. Новое «увлечение» приносило ему куда больше дохода, чем все бывшие и настоящие официальные его службы, вместе взятые.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.